

—=— Людвик Ежи Керн —=—

Фердинанд Великолепный

≡ Людовик Ежи Керн ≡

Фердинанд Великолепный

Повесть-сказка

Перевод с польского
Святослав Свяцкий

Иллюстрации
Надежда Бугославская

Москва
«Махаон»
2011

I

Во вторник после обеда Фердинанд по старой привычке забрался на диван. В одном месте диван был продавлен. Фердинанд как раз помещался в этой вмятине. Лежать на диване доставляло ему огромное удовольствие.

В доме в эту пору дня происходили интереснейшие вещи. На кухне во время купания пускались в разговор кастрюли и тарелки, то и дело в их беседу вмешивались ложки, ножи, вилки. Кто не разбирается, тот может подумать, будто они просто побрякивают да позвякивают, но Фердинанд из их разговоров понимал почти всё. Вот жаровня зашипела на вилку:

— Перессстанешшшь ты наконец колоться?..

Сковородка в отчаянии кричала:

— Где мой муж — сковородник?

В соседней комнате хозяин допивал чай, а хозяйка рассказывала хозяину о нём, о Фердинанде. Фердинанд, дескать, то, Фердинанд, дескать, сё — разные интимные истории из его жизни. Иногда такое приятно послушать. Но не всегда.

Потом слышался шорох газеты, скрип отодвинутого стула и шаги хозяина, которые звучали всё громче и громче. Когда они раздаются над самым ухом, это означает, что надо

чуть-чуть подвинуться и уступить хоть немного места хозяину. Он тоже любит этот старый диван, вот только, лежа на него, он вечно вытягивается во весь свой рост, вместо того чтобы уютно свернуться калачиком.

— Подвинься, Фердинанд, — говорит хозяин, подталкивая Фердинанда газетой. — Ну ещё чуть-чуть подвинься. Если ты этого не сделаешь, мне придётся лечь на пол. И ты себя будешь чувствовать неловко.

Ни за что на свете Фердинанд не позволит, чтоб хозяин лёг на пол. Фердинанд чуть-чуть отодвигается, и хозяин ложится рядом.

И тут же из внутренностей дивана начинают подавать голоса пружины:

Дрим!..

Гьям!..

Бряк!..

И через минуту вновь, стоит только хозяину шевельнуться:

Гьям!..

Бряк!..

Дрим!..

Надо ли говорить, что и язык пружин Фердинанд понимал великолепно. Иногда он даже пускался с ними в рассуждения. Это была самая диковинная беседа из всех, какие только можно себе представить.

Как правило, хозяин мгновенно засыпал, газета выпадала у него из рук и нередко оказывалась под самым носом Фердинанда. Волей-неволей Фердинанд принимался читать. Вы, конечно, представляете себе, как это происходит: читать у вас нет никакой охоты, но кто-то подsunул вам газету, ну хотя бы в трамвае, и вы машинально пробегаете глазами строку за строкой. Точно так же случилось с Фердинандом.

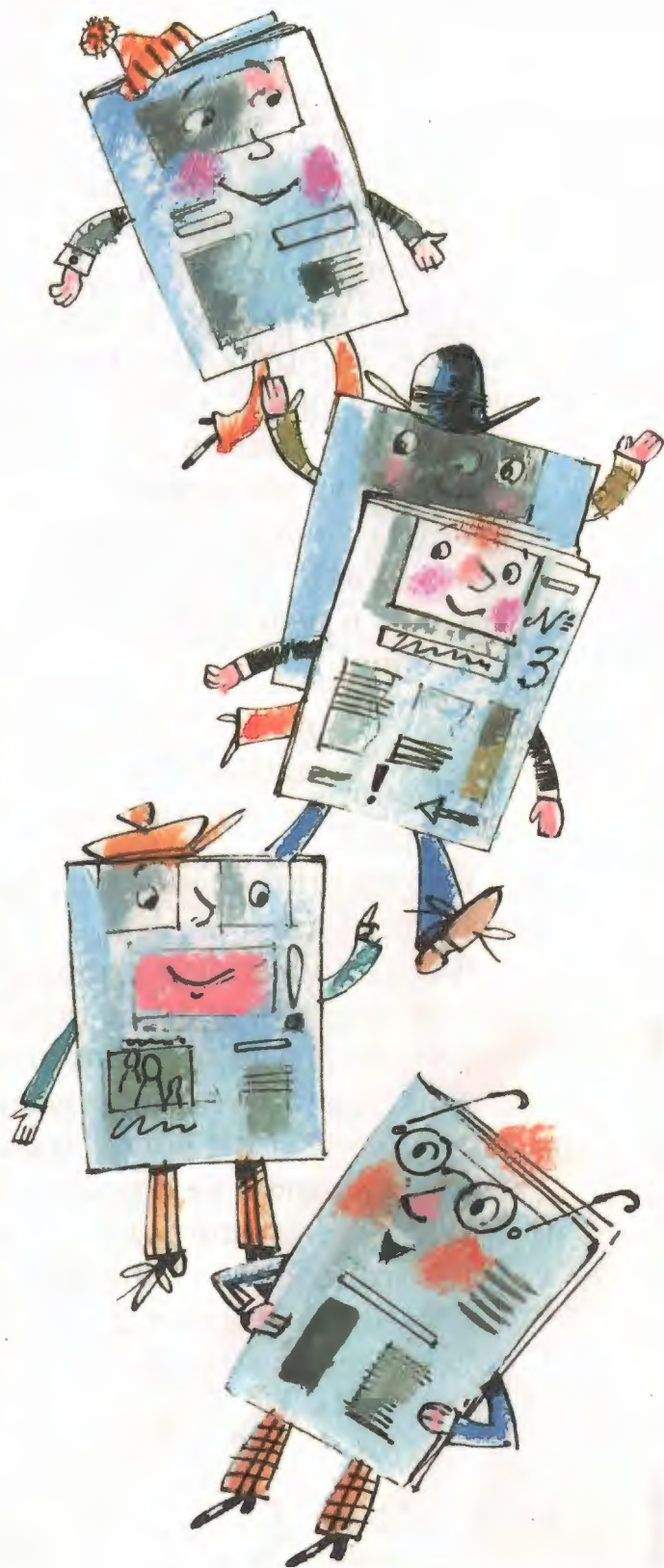
Поскольку дело происходило во вторник, хозяин читал газету, вышедшую во вторник. Газеты, как мы знаем, делятся на те, которые выходят

в понедельник,
во вторник,
в среду,
в четверг,
в пятницу,
в субботу
и в воскресенье.

Те, которые выходят в воскресенье, толще остальных.

«Может, они толще потому, что в воскресенье хозяин дольше лежит на диване?» — подумал Фердинанд.

Итак, я уже сказал, газета вышла во вторник, и Фердинанд против воли принялся её читать. Сперва он прочёл, что идёт в кино. Газета была сложена таким образом, что под носом у Фердинанда оказалась как раз последняя страница, на которой всякая уважающая себя газета печатает репертуар кинотеатров. Потом Фердинанд прочёл, какие аптеки сегодня дежурят. Потом — что идёт в театрах. По-

том – прогноз погоды на завтра. Узнал, в котором часу восходит и заходит солнце и какая больница принимает сегодня ночью тех, кто обьестся за ужином или случайно проглотит пуговицу. Прочитав всё это, Фердинанд громко вздохнул и глубоко задумался...

Думал он так, думал, и вдруг хозяин издал лёгкое, едва уловимое: «Хррр!» Фердинанд наострил уши и через минуту услышал снова: «Хррр!» – на этот раз громче. Сомнений быть не могло – хозяин желал поговорить с Фердинандом. И Фердинанд тут же самым что ни на есть вежливейшим образом ответил хозяину: «Вррр!» Хозяин на это: «Хррр!» А Фердинанд опять: «Вррр!» Хозяин: «Хррр!» Фердинанд: «Вррр!» Так они и разговаривали:

- Хррр!
- Вррр!
- Хррр!
- Вррр!
- Хррр!

Неожиданно хозяин повернулся на бок и прервал этот интересный разговор.

Фердинанд снова принялся читать газету с самого начала. Но он всё уже знал, и газета быстро ему надоела. Сощуриив глаза, Фердинанд принялся рассматривать ноги хозяина.

«Где только эти ноги не побывали! – думал про себя Фердинанд. – Таким ногам хорошо. Идут куда хотят. Куда бы ни забрали, никто не крикнет: «К ноге!» Им всё можно».

Фердинанд ещё больше прищурил глаза.

«А что, если... – пришло ему в голову, – а что, если встать с дивана, подойти к дверям в прихожей, выйти на лестницу и попробовать встать на собственные ноги. На две собственные ногй!»

«Фердинанд, – воскликнул он про себя, – ты великолепен!»

Он слез осторожно с дивана, стараясь не разбудить хозяина и задремавших в глубине матраца пружин, и тихохонько-тихоxonько прокрался в прихожую. Увы, двери были закрыты.

Но счастливый случай, который всегда сопутствует великим начинаниям, который помогает мореплавателям открывать материки, а полководцам выигрывать проигранные сражения, – счастливый случай – путеводная звезда отважных – помог на этот раз и Фердинанду.

Он стоял, печально понутив голову, у дверей, совершенно уверенный в том, что ничего не получится, как вдруг на лестнице послышались знакомые шаги. Это был почтальон.

«Эх, принёс бы он письмо хозяину или хозяйке!..» – вздохнул Фердинанд.

Раздалось постукивание карандашиком в дверь. Почти сразу появилась хозяйка, открыла дверь, и тогда Фердинанд проскользнул украдкой между ногами почтальона, словно под триумфальной аркой, в просторы огромного мира.

Почтальон и хозяйка были так поглощены делом, что ничего не заметили. Хозяйка захлопнула дверь, почтальон стал подниматься выше. Фердинанд остался на площадке один. Наступил решающий момент.

«Впервые в жизни, – подумал Фердинанд, – я сойду с лестницы как полагается. Я взволнован, я по-настоящему взволнован!»

Фердинанд встал на задние лапы, переднюю лапу положил на перила и так, шаг за шагом, не спеша сошёл вниз.

Всё получилось складно, удивительно складно. Правда, с третьего

этажа на второй он спускался ещё с робостью новичка, зато со второго на первый сходил как бывалый, уверенный в своих силах завсегдатай самых шикарных лестниц и парадных.

На первом этаже он принялся даже насвистывать. И с этим свистом, который как нельзя лучше подчёркивал его природное обаяние, вышел на людную улицу.

Был он тут, разумеется, не впервые. Но сегодня он смотрел на всё другими глазами. Раньше он бежал, опустив нос к земле. И при этом – неизвестно во имя чего – упускал возможность увидеть самое интересное. Теперь он шёл, величественно подняв голову, и уж конечно видел не меньше, чем видят хозяин и хозяйка, когда выходят на прогулку. Он видел высокие дома, деревья, которые, как он теперь выяснил, состоят не только из ствола, но и из пышной кроны, видел фонари с матовыми шарами и голубое небо, по которому плывут курчавые облака.

По улице двигались трамваи, автобусы и автомобили, по тротуарам шли пешеходы. Одно только озадачило Фердинанда: ему показалось, что кое-кто из прохожих с любопытством косит на него глазами. Тогда он остановился возле цветочного магазина, где рядом с дверью висело большое зеркало, и оглядел себя со всех сторон.

– Агааа, – сказал он. – Всё ясно. Мне надо немедленно идти к портному.

II

Портных в городе было много. Кого же выбрать? У Фердинанда в таких делах опыта не было. Ещё ни разу в жизни он не шил себе костюма. Задрав голову, Фердинанд двинулся по улице, читая вывески. Наконец возле каких-то ворот он заметил скромную табличку:

— По крайней мере, хоть фамилия человеческая, — пробурчал Фердинанд. — Только почему она так странно написана. Впрочем, кто знает, может, так и лучше. Что ни говори, а два «г» в конце выглядят внушительно. Может, и мне стоит прибавить буковку... Например, «Фердинандд», или «Феррдинанд», или «Феердинанд», или «Ффердинанд», или

«Фердиинанд», или «Фердинаннд», или вообще «Ффеер-рддииннаанндд». Надо попробовать написать на бумаге, – решил Фердинанд, – посмотрим, как это будет выглядеть. С налёту не решишь. Когда будет время, обязательно займусь этим.

Фердинанд вошёл в ворота, отыскал вход в мастерскую, по старой привычке обнюхал дверь и нажал на звонок.

«Главное, – соображал он, – сказать «здравствуйте». Если мне удастся сказать «здравствуйте», дальше всё пойдёт как по маслу». Фердинанд был уверен, что язык его не подведёт, но всё же на сердце было беспокойно.

Дверь открыл сам мастер Догг. При виде Фердинанда, стоявшего в небрежной позе, опершись о косяк, портной сдвинул очки со лба на нос.

Вопросительный взгляд портного заставил Фердинанда заговорить.

– Здрав-ствуй-те, – произнёс он медленно, но с достоинством.

– Здравствуйте, – машинально ответил портной. Он всегда отвечал «здравствуйте», когда с ним здоровались.

– Мне хо-те-лось бы за-ка-зать у вас ко-стюм, – сказал Фердинанд.

– Вы хотите заказать костюм для себя? – осведомился портной.

– Ра-зу-ме-ет-ся, – ответил Фердинанд. – Се-год-ня по-лу-чил-ся со мной стран-ный случай. Я вы-шел из до-му без ко-стю-ма, а воз-вра-щать-ся не хо-чет-ся...

– У меня работы выше головы. Неужели всё бросить?

– Сде-лай-те э-то, по-жа-луй-ста, для меня! – воскликнул Фердинанд и заглянул преданными собачьими глазами в усталые глаза портного. Тут он заметил, что слова стали свободнее сходиться у него с языка.

Взгляд Фердинанда растрогал портного. Он распахнул дверь и сказал:

— Прошу вас, пройдите, пожалуйста, в салон.

Ещё ни один клиент не производил на него такого хорошего впечатления. От одного взгляда Фердинанда он стал податлив, как воск. Догг указал Фердинанду на мягкое кресло, а сам стал поодаль, нервно теребя концы висящего на шее сантиметра.

— Какой вы хотите заказать костюм? — спросил он почтительно.

— Красивый, — ни секунды не колеблясь ответил Фердинанд.

— Понимаю, — поспешно подхватил Догг. — А из какого материала?

— Из красивого, — вновь без запинки ответил Фердинанд.

— Какой вы предпочитаете покрой?

— Красивый.

— Какую мы сделаем жилетку?

— Красивую.

— А брюки?

— Красивые.

— А отвороты на пиджаке?

— Красивые.

— Какие манжеты дадим на брюки?

— Красивые.

— А подкладку?

— Красивую.

Мастер был в восторге. Впервые в жизни он встретил заказчика, который так хорошо знал, что ему нужно.

— С величайшим удовольствием я сошью вам костюм! — воскликнул он. — Сейчас сниму мерку. Пожалуйста, встаньте, не горбитесь.

Фердинанд встал, Догг тщательно измерил его сантиметром. Кончив, он подвинул своему заказчику кресло.

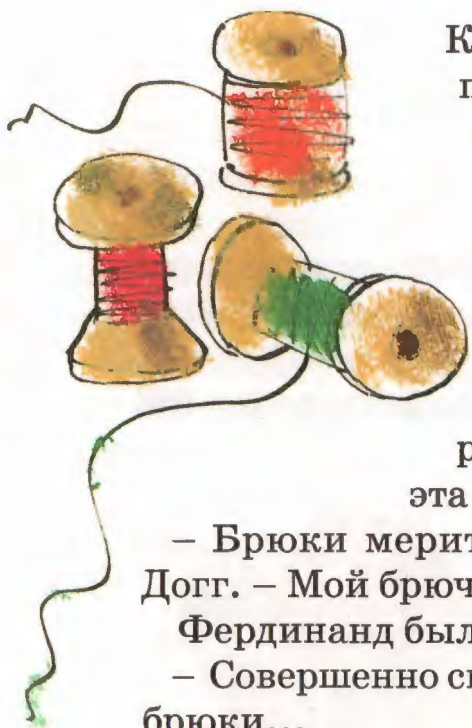
— Вот здесь на столе газеты и журналы. Посмотрите их, пожалуйста, а я пока раскрою материал. Через десять минут примерка будет готова.

Догг вышел в мастерскую, а Фердинанд принялся не спеша перелистывать журналы. Мысль о том, что скоро у него будет собственный, сшитый по заказу костюм, не давала ему покоя. Рассеянным взглядом пробежал он страницы с фотографиями. В другое время они бы его заинтересовали, но сейчас... Что могло идти в сравнение с костюмом? С настоящим костюмом, сшитым у настоящего портного!

Не прошло и десяти минут, как мастер появился опять.

— Не угодно ли сделать примерку? — спросил он.

Кто в силах отказаться от примерки? Так приятно надеть на себя новую вещь!.. Фердинанд встал перед зеркалом, мастер помог ему надеть на себя то, что он принёс. Это не был ещё пиджак, но это уже не была просто материя. Это была оболочка, которую должен был наполнить собой Фердинанд. Оболочка была приспособлена для Фердинанда. Он, Фердинанд, решит, какую окончательную форму примет эта оболочка.

– Брюки мерить не будем, – с решительностью заявил Догг. – Мой брючный мастер никогда не ошибается.

Фердинанд был на седьмом небе от счастья.

– Совершенно справедливо, – согласился он, – зачем мерить брюки...

– Недурно, недурно, – ворчал себе под нос Догг, скалывая пиджак. Рот у него был набит булавками, поэтому говорил он, цедя сквозь зубы. – Здесь немножко убавим, здесь отпустим, и всё будет в порядке. Под мышками не жмёт?

– Чуть-чуть!

– Минуточку.

– Аууууууу! – взвыл от боли Фердинанд.

– О, я вас очень прошу, пожалуйста, извините! Ужасно плохие булавки... Вам очень больно?

Фердинанд улыбнулся краешком губ, что должно было означать: конечно, больно, но боль уже проходит. Какое, впрочем, значение могла иметь какая-то боль сейчас, когда рядом, в двух шагах, шевелилось в зеркале его отображение! Хотя пиджак был наскоро смётан и прихвачен булавками, выглядел он восхитительно. Фердинанд не узнавал себя.

«Я это или не я?» — задавал он себе вопрос.

А вслух сказал:

— Даже в таком виде, собственно говоря, я мог бы уже выйти на улицу.

— Ни за что на свете, — категорически возразил Догг. — Вы ещё увидите, как всё получится, когда мы кончим работу. Наберитесь терпения, дорогой мой... дорогой мой...

— Фердинанд, — подсказал Фердинанд.

— Ах вот как! — воскликнул мастер Догг и сделал несколько шагов в сторону. — Прекрасное имя! — добавил он с восхищением. — Наберитесь терпения, дорогой Фердинанд, я постараюсь кончить как можно скорее.

С этими словами он снял с Фердинанда пиджак и исчез в дверях мастерской.

Прошло в самом деле не так уж много времени. Фердинанд не успел и двух раз пройтись по салону, двух раз выглянуть из окна, двух раз зевнуть от нервного возбуждения, как мастер Догг появился с готовым костюмом.

Фердинанд отправился за ширму. Когда он вышел оттуда, Догг в восхищении потёр руки.

— Фердинанд, — воскликнул он, — вы выглядите как бог!

Фердинанд взглянул в зеркало и обмер. Можно было, конечно, предположить, что всё получится очень и очень неплохо, но кто бы мог подумать, что это будет просто великолепно? Фердинанд посмотрел долгим взглядом мастеру в глаза и сказал:

— Я себе очень нравлюсь, мастер Догг. — И, помедлив, добавил: — Догг, вы — король портных.

Портной был тронут.

— Если вы не возражаете, позвольте, я дам вам совет, — шепнул он, наклонившись к левому уху Фердинанда. — К этому костюму больше всего подойдёт рубашка в полоску.

— А ведь правда, — воскликнул оторопевший Фердинанд, — я совсем забыл о рубашке!

— К полосатой рубашке я бы предложил полосатый галстук, — нащёптывал мастер.

— Да, да, галстук тоже должен быть с полосками, — согласился Фердинанд.

— Что касается шляпы, то больше всего вам подойдёт... моему... котелок.

— Знаете, я сам подумал о том же!

— Не мешало бы также... — и тут Догг снова понизил голос до шёпота, — не мешало бы также подумать и о ботиночках.

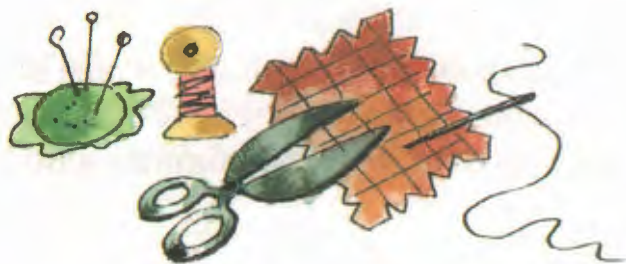
— Разумеется, как это раньше не пришло мне в голову!..

— Если позволите, я сейчас позвоню в магазин, и мне мигом всё пришлют.

— Дело в том... — неуверенным голосом начал Фердинанд.

— Не трудитесь, — прервал его портной, — я знаю, что вы хотите сказать. Вы хотите сказать, что у вас нет при себе денег. Не страшно. Не в них дело. Ваше приятное обхождение, ваше восхищение доставляют больше радости, чем самая крупная сумма денег. Давайте не будем к этому возвращаться. Фердинанд, вы великолепны.

С большим трудом Фердинанду удалось овладеть собой. Он всё-таки не завизжал от радости и не завилял хвостом. С присущим ему обаянием он подал мастеру Доггу лапу.

III

По самой красивой улице города шёл прохожий в безукоризненно сшитом костюме. Время от времени он останавливался у витрин. Все смотрели на него с восхищением, а он шёл и приятно улыбался. При этом обнажались его ослепительно белые зубы, обнажались они ровно настолько, насколько это было необходимо. Дойдя до конца улицы, он перешёл на другую сторону и зашагал в противоположном направлении. Лёгкий, изящный, счастливый. Это был Фердинанд.

Уже пятый или шестой раз проходил он всё по той же самой улице. Да это и неудивительно. Если ты впервые в жизни надел на себя новенький костюм, то нет ничего удивительного в том, что тебе хочется ходить и ходить в нём по самой красивой улице города. Но самая красивая улица, как бы она ни была длинна, где-то всё же кончается. Обнаружив это, Фердинанд оказался перед выбором: свернуть ему в боковую улочку или же повернуть обратно и пройти ещё раз тот же путь. Он выбрал второе. Таким образом он снова дошёл до конца самой красивой улицы. Опять ему не захотелось сворачивать в переулок, и поэтому он пошёл обратно. Это повторил он ещё раз. И ещё раз. Теперь он шёл по этой улице в пятый или шестой раз.

На первый взгляд может показаться, что это очень просто — ходить взад и вперёд. Но я с этим не согласен — Фердинанду это стоило немалых усилий. Подумайте только, какие искушения подстерегали его на каждом шагу! Во-первых, вдоль улицы были высажены деревья, да ещё по обеим сторонам; во-вторых, через каждые двадцать метров стоял фонарь; в-третьих — и это было самое страшное! — то и дело, откуда ни возьмись, перебегали улицу кошки. Когда первая кошка, выскочив из ворот, бросилась прямо под ноги Фердинанду, он почувствовал, что с ним что-то происходит. Он хотел было кинуться за кошкой и только величайшим усилием воли заставил себя сдержаться. Чтобы немного успокоиться, он постоял с минуту возле оклеенного афишами газетного киоска.

Заметив это, цветочница, которая продавала возле киоска цветы, сказала продавщице, которая сидела в киоске:

— Вы только посмотрите, как люди суеверны! Кошка ему дорогу перебежала, и он уже ни шагу, делает вид, будто читает оперную афишу.

«Это про меня, — подумал Фердинанд. — Ну если б не костюм, я б этой кошке показал!»

Он даже был несколько озадачен, что его сочли суеверным.

— Должен вам сказать, — заметил он, обращаясь к цветочнице, — это вы напрасно. Что касается кошек, то я совсем не суеверен.

— Эх, уважаемый, так говорит каждый, — ответила цветочница, — а стоит кошке дорогу перебежать, как прохожий останавливается, делает три шага назад или же поворачивается через левое плечо, чтоб снять кошачье заклятье.

— Вы, кажется, мне не верите, но я сказал правду. Я не то что пятиться от кошек, я готов целый день за ними гоняться.

— Вот как? — с недоверием проговорила цветочница. — Вы что-то непохожи на бегуна.

— А на кого же я похож? — поинтересовался Фердинанд.

— На франта, который от скуки прохаживается по улице. Пани Бискупская, — обратилась она к продавщице в киоске, — ну скажите, разве он не великолепен?

Продавщица высунулась наружу, оглядела Фердинанда с головы до ног и, кивнув головой, сказала:

— А знаете, пани Трибульская, вы правы! Он действительно великолепен!

Фердинанд моментально снял котелок и сказал растроганным голосом:

— Спасибо за доброе слово, от всего сердца благодарю вас, пани, до свиданья!

— Минуточку! — воскликнула цветочница. — Люблю вежливость. Не откажите принять на память. — Она достала из жестяного, наполненного водой ведёрочка розовую гвоздику и вдела Фердинанду в петлицу.

С гвоздикой на отвороте пиджака Фердинанд отправился дальше, а цветочница и газетчица, глядя ему вслед, приговаривали:

— Великолепен, честное слово, великолепен!

Потом ещё несколько кошек перебежали Фердинанду дорогу, но каждая следующая производила на него всё меньшее и меньшее впечатление. Фердинанд понял, что в отношении кошек он закалён. Даже если на

пути появится их целая стая, даже если он встретится нос к носу с самым знаменитым котом на свете, легендарным Золотым Котом, о котором, когда он плохо вёл себя в детстве, рассказывала ему мама, — даже тогда он хладнокровно продефилирует мимо и не унизит себя рычанием.

«Если и дальше так пойдёт, — подумал Фердинанд, — то кончится тем, что я сперва полюблю кошек, потом не смогу жить без них, ну а потом сам стану их разводить. Кто знает, может, стоит завести в своём доме собственную кошку? — размышлял Фердинанд, вышагивая уже неизвестно который раз по самой красивой улице. — В любой момент можно её погладить. Когда кошку погладишь, она мурлычет. Наверно, это очень приятно, услышать «мурrrrrrr» по первому же требованию. Что и говорить, кошка — порядочное животное. Сидит себе дома, не бегает по улице зря, а что касается чистоплотности, тут она для многих может послужить примером».

— Не худо бы завести собственную кошку, — произнёс вслух Фердинанд.

Если бы существовал такой магазин, Фердинанд немедленно зашёл бы туда и попросил, чтобы ему отпустили ту кошку, которая ему приглянулась. Не исключено, что он купил бы сразу двух кошек, потому что кошка, как известно, в одиночестве скучает. Кроме того, две кошки в доме выглядят куда солиднее, чем одна.

«Придётся, конечно, их как-то назвать. Когда выдастся свободная минута, я придумаю два красивых имени для своих кошек, — решил Фердинанд. — Это должны быть какие-нибудь редкие имена. Что-то я проголодался...»

Действительно, с утра у Фердинанда во рту не было ни крошки. К тому же давала о себе знать усталость. Он

уже привык к ходьбе на задних лапах, но это оказалось делом гораздо более утомительным в сравнении с его прежним способом передвижения. Раньше он мог пробежать по такой улице раз двадцать в оба конца, не ощутив усталости. Разве что высунул бы язык, вот и всё. А теперь? Нельзя и сравнивать: неторопливая элегантная походка требует гораздо больших усилий, чем передвижение на четвереньках. На первый взгляд это может показаться неправдоподобным, но это так, и тут уж ничего не поделаешь.

На самой красивой улице было много столовых и ресторанов, где люди могли утолить голод. Каждый выбирал себе ту столовую или ресторан, которые соответствовали его вкусу. Фердинанд снова был озадачен. Куда идти? В этом трудном положении он решил воспользоваться старым, испытанным способом — искать по нюху.

Возле ближайшего ресторана Фердинанд втянул носом воздух, потом сделал резкий выдох, потом опять втянул в себя воздух. Вместе с воздухом в нос попали запахи ресторанной кухни.

— О нет, сюда мы не пойдём, — проворчал Фердинанд. — Сюда ни за что на свете! Я чую щи. С детства не переносу щей. Спасибо тебе, дорогой нос, за предупреждение.

И Фердинанд отправился дальше. Возле следующего ресторана он снова остановился, сделал несколько глубоких вдохов, подумал и заявил:

— Сюда тоже не пойдём! Кажется, повар в этом ресторане считает подгоревшую кашу большим лакомством. Я вообще каши не терплю, а подгорелой тем более. Чудесный мой нос, благодарю тебя от всего сердца.

Неторопливой походкой удалялся Фердинанд от дверей ресторанов, о которых у него складывалось нелестное впечатле-

ние, и как ни в чём не бывало шагал дальше.

Наконец ему показалось, что поиски увенчались успехом. Запах жареной говядины так увлёк Фердинанда, что он готов был уже нажать на дверную ручку и перешагнуть порог, но, внюхавшись повнимательней, он обнаружил, что к запаху говядины примешивается ещё запах рассольника.

Рассольник... С ним связаны тяжёлые воспоминания!.. Однажды он нечаянно вылил целую тарелку рассольника на ковёр. Да, это верно, он положил тогда лапы на стол. Но вовсе не из-за рассольника, а из-за сосиски, которая лежала рядом. Подбираясь к сосиске, он толкнул, к несчастью, проклятую тарелку с рассольником. Сосиска осталась на столе, а суп оказался на ковре. Тарелка тотчас покончила с собой. Перед смертью успела только вскрикнуть «бряк», и её не стало. Суп в отчаянии разлился по ковра. Хозяин не пожелал слушать оправданий Фердинанда и обошёлся с ним круто. Пожалуй, даже не скажешь, что было очень больно, но с тех пор при одном только запахе рассольника Фердинанда прошибает пот.

— Говядина говядиной, — сказал сам себе Фердинанд, — а рассольник рассольником. Меня не проведёшь. Слава тебе, мой нос, что ты обнаружил опасность. Я бы тебя с удовольствием расцеловал, да вот только не дотянешься.

Нос Фердинанда безусловно стоил похвалы. Не прошло и минуты, как он доказал это, обнаружив среди парящих на улице запахов покоряющий своей красотой, пока ещё еле уловимый, неподражаемый запах отварного мяса. Это было любимое лакомство Фердинанда. Он сосредоточился, выяснил, с какой стороны идёт запах, и сказал:

– Нос мой, води!

Повторять дважды не пришлось. Нос тоже очень проголодался. Они двинулись вперёд. Запах с каждой секундой становился всё сильнее. Нос перешёл на другую сторону улицы, следом за ним и Фердинанд. Они остановились перед большой стеклянной дверью. Не было сомнений: запах исходил оттуда. Они были на месте. Фердинанд невольно запрокинул голову. Над дверью светились огромные неоновые буквы: «КАК У МАМЫ».

– Лучшего нам не найти, – сказал Фердинанд носу.

– Что там написано? – спросил нос.

– Верно, я и забыл, ты же неграмотный! – воскликнул Фердинанд. – Там написано: «Как у мамы».

Нос даже чихнул от удовольствия.

– Прекрасная надпись, Фердинанд, войдём!

Фердинанд поправил гвоздику в петличке, вежливо выпятил грудь и, пропустив вперёд себя нос, через большие стеклянные двери вошёл в ресторан.

IV

Почти все столики были заняты. Фердинанд долго ходил по залу в поисках места. Никто не обращал на него внимания. Каждый смотрел в свою тарелку. Между столиками бесшумно скользили официанты в чёрных костюмах, разнося на серебряных подносах кушанья. Фердинанду здесь очень понравилось.

Возле стены он заметил свободный столик. Размеренным шагом приблизился к нему Фердинанд, отодвинул слегка стул и, поборов в себе искушение вскочить на него всеми четырьмя лапами, уселся как ни в чём не бывало на сиденье.

Фердинанд огляделся. За соседним столиком сидел мужчина и в ожидании заказа читал вечернюю газету. Поодаль целая семья – отец, мать и трое детей – уплетали вкусно пахнущие оладьи с вишнёвым вареньем. Рядом с ними занимали столик две дамы, которые лакомились жареным цыплёнком, а в углу, слева от Фердинанда, какая-то женщина в зелёной шляпе, поедая рубец, время от времени отщипывала небольшие куски от ломтика белого хлеба и бросала их под стол, накрытый длинной, свисающей едва ли не до самого пола скатертью. Фердинанда это очень заинтересовало.

— Что вам угодно? — раздался голос над самым его ухом.

Фердинанд поднял глаза и увидел застывшего в полупоклоне официанта. Он понравился Фердинанду с первого взгляда.

— Мне хотелось бы пообедать. Есть у вас какие-нибудь вкусные вещи?

— Ну разумеется! Вот меню. Будьте добры выбрать. — И официант протянул Фердинанду длинный перечень блюд, которые подавали в этот день в ресторане «Как у мамы».

У Фердинанда даже сердце забилося от радости. «Что вам угодно, будьте добры...» Нет! Никто ещё не говорил так, обращаясь к нему.

«Надо с этим обходительным человеком быть как можно вежливее», — решил Фердинанд и сказал:

— Будьте так добры и любезны, принесите мне, пожалуйста, отварное мясо.

— Несу. Будьте добры подождать, — ответил с поклоном официант.

— С удовольствием подожду, — кивнув, сказал Фердинанд.

Официант ушёл, а Фердинандом овладело раздумье.

Очнулся он только тогда, когда услышал сердитый голос за соседним столиком.

— Что вы принесли? — кричал пожилой мужчина. — Разве это мясо! Одни кости!

Фердинанд искоса бросил взгляд на тарелку пожилого мужчины. Действительно, на тарелке мяса было немного, зато там лежали великолепные кости, какие могут, пожалуй, только присниться. Рядом, виновато понутив голову, стоял официант, тот самый, который так понравился Фердинанду. Ему стало жаль официанта. Он встал и подошёл к соседнему столику.

— Если вы не возражаете, — сказал Фердинанд, — я съем это. Я тоже заказал себе отварное мясо, надеюсь, моя порция придётся вам по вкусу...

— Вы с ума сошли! — заорал пожилой мужчина. — Кости глотать собираетесь?

— Обо мне, пожалуйста, не беспокойтесь, — ответил Фердинанд.

— Да вы посмотрите хорошенько, ведь тут одни кости!

— Не страшно. Я люблю кости.

— Кости?

— Кости.

— Такие?!

— Такие.

— Такие, как здесь? — повторил с недоверием свой вопрос мужчина.

— Именно такие.

— Но ведь вы их не разгрызёте.

— Это, знаете ли, дело привычки, — ответил Фердинанд. — Если ты привык с малых лет...

— Не хотите ли вы сказать, — прервал его пожилой мужчина, — что вас в детстве кормили костями?

— Первую кость я получил, когда мне исполнилось пять месяцев, но до этого мне уже несколько раз удавалось лакомиться ими тайком.

Пожилой мужчина внимательно посмотрел на Фердинанда:

— И вы это помните?

— О, есть вещи, которые не забываются, — ответил Фердинанд с сентиментальной ноткой в голосе.

— И вы действительно намерены их съесть? — удивлённо воскликнул мужчина и ткнул пальцем в тарелку.

— Сейчас увидите, — ответил Фердинанд. — Будьте так добры, — обратился он к официанту, — переставьте, пожалуйста, эту тарелку на мой столик, а сюда принесите мою порцию.

— К чему это? — прервал его мужчина. — Не проще ли вам пересесть ко мне? Конечно, если вы не имеете ничего против.

Пожилой мужчина встал и протянул Фердинанду руку:

— Меня зовут Радио. Августин Радио. Фамилия, как видите, смешная. Нередко знакомые ради шутки задают мне вопрос: «Что слышно, Радио?» А я тоже ради шутки отвечаю: «Новостей нет, меня сегодня выключили».

— Приятно познакомиться, — ответил Фердинанд. — Меня зовут Фердинанд. Я с удовольствием пересяду за ваш столик.

Официант, слушавший с почтением этот разговор, опрометью бросился на кухню и вскоре появился с новой порцией мяса. Он поставил тарелку перед соседом Фердинанда, а Фердинанду придвинул тарелку соседа.

— Мне, право, досадно, — сказал Радио, принимаясь за еду. — Я ем вашу порцию, а вам предстоит мучиться с этими костями.

— Не беспокойтесь. Я справлюсь раньше вас.

— Вряд ли.

– Начинаем! – воскликнул Фердинанд. – Раз, два, три!

Фердинанд схватил самую большую кость, зажал её в зубах и раскусил. Раздался хруст, треск, сосед успел только крикнуть: «Берегите зубы, Фердинанд!» – а кости уже как не бывало. Потом то же самое произошло с костью, которая была поменьше. Самую маленькую Фердинанд приберёт на десерт.

Августин Радио только смотрел, вытаращив глаза, и качал головой. Рядом за столиками все бросили еду. Такого в ресторане «Как у мамы» не бывало с момента его основания.

Отец детей, уплетавших оладьи с вишнёвым вареньем, сказал, указывая на Фердинанда:

– Вот, дети, берите с него пример! Вот как нужно есть. Эх вы, оладьи не можете толком разжевать, а он вот кости перегрызает. Браво! Браво! – крикнул отец семейства. – Хлопайте в ладоши, дети.

Дамы, которые ели цыплёнка, поглядели сперва на Фердинанда, а потом с беспокойством покосились на грудку косточек на своих тарелках. «Может, теперь надо есть по-другому? – подумали они. – Может, это новая мода?.. Может, полагается съедать всё без остатка?..» И обе незаметно взяли в руку по косточке, чтобы выяснить, не удастся ли им откусить хотя бы по кусочку.

Но больше всех была потрясена женщина в зелёной шляпке, та самая, которая ела рублик и бросала то и дело куски булки под стол.

— Крокодилчик, ну-ка выгляни, Крокодилчик! — крикнула она, отгибая скатерть. — Выгляни, выгляни... Тебе станет стыдно, когда ты увидишь. Я тебе булку отщипываю по кусочку, а вон там человек кости перекусывает, как вафли. Посмотри, Крокодилчик, посмотри!

При этих словах она потянула за поводок. Из-под стола показался чёрный карликовый пинчер. Хозяйка взяла его на руки и подняла вверх, как родители поднимают детей, когда на параде проезжает генерал.

— Крокодилчик, посмотри. Видишь вон того человека в новом красивом костюме? Это, верно, какая-нибудь выдающаяся личность.

Пинчер захихикал ехидно своим тоненьким голоском. Фердинанд наострил уши. Ему хотелось тявкнуть в ответ, но он сдержался. Вместо этого он сказал:

— Какая прелестная собачка! — и бросил ей третью, самую маленькую косточку, ту, которую оставил себе на десерт.

К сожалению, Крокодилчик был раззявой и не сумел поймать её, когда она пролетала возле самого его носа.

— На этот раз не вышло, — с улыбкой сказал Фердинанд. — Сейчас я тебе покажу, как это делается. Пусть кто-нибудь из присутствующих бросит мне какой-нибудь предмет.

Женщина в зелёной шляпке бросила Фердинанду кусок булки. Не двигаясь с места, Фердинанд открыл пасть, и булка в ней исчезла.

— Великолепно! — воскликнула женщина в зелёной шляпке. — Крокодильчик, смотри! Великолепно!

Все подхватили её слова и стали наперебой бросать Фердинанду разные вкусные вещи. А он, точно жонглёр в цирке, с поразительной ловкостью ловил всё на лету. Время от времени он объяснял Крокодильчику:

— Видишь, вот так ловят пирожное... А вот так шоколадку... А так ловят пирожок... А вот так пряник... Когда у тебя будет время, приходи ко мне, я тебя ещё не тому научу.

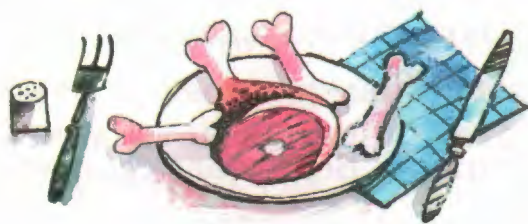
Фердинанд посмотрел по сторонам, ища взглядом официанта.

– Пожалуйста, счёт!.. – крикнул он.

– Я не допущу этого, – запротестовал Августин Радио. – Вы мой гость, Фердинанд. – Расплатившись, он сказал: – Вы не возражаете, если мы выйдем вместе из ресторана?

– Разумеется, – ответил Фердинанд, – в вашем обществе я с удовольствием погуляю.

Пока они шли через зал к дверям, вслед им глядели изумлённые посетители и восхищённые официанты. А потом, когда дверь за ними закрылась, за столиками, на кухне, в кладовой, в буфете и даже в гардеробе долго слышалось повторяемое на разные лады имя Фердинанд.

V

— Что вы собираетесь делать? — спросил у Фердинанда Августин Радио, когда они очутились на улице.

— По правде говоря, сам не знаю, — ответил Фердинанд.

— Если я правильно вас понял, вы свободны.

— Как будто так.

— Для верности загляните в свою записную книжку, — попросил Августин Радио.

— Куда?

— В записную книжку. Ведь у вас, конечно, есть записная книжка?

— Ко-о-онечно, — сказал, заикаясь, Фердинанд.

— Я считаю, что человек без записной книжки — это не человек. Во всяком случае, порядочным человеком его не назовёшь. У порядочного человека должна быть записная книжка.

— Ра-ра-зумеется...

— На человека, у которого есть записная книжка, можно положиться. Тем, у кого её нет, приходится рассчитывать на свою память. А человеческая память ненадёжна, ой как ненадёжна. Вы со мной согласны?

– Бе-бе-зусловно, – подтвердил Фердинанд.

– Будьте так любезны, загляните в свою записную книжку и проверьте, действительно ли вы свободны.

– Вне всякого сомнения – я свободен, – поторопился заверить собеседника Фердинанд и для убедительности приложил руку к сердцу.

– Неужели вам трудно? Загляните, – настаивал Августин Радио.

«Вот упрямец!» – подумал про себя Фердинанд, а вслух сказал:

– Клянусь памятью моей бабушки, у меня нет сейчас никаких дел!

– Очень вас прошу... Ради меня, Фердинанд... – не унимался Августин Радио. – Умоляю...

Фердинанд принялся рыться в левом кармане пиджака, зная наперёд, что поиски бесполезны. Действительно, карман был идеально пуст. Потом он стал рыться в правом кармане пиджака. Затем в левом кармане брюк. Затем в правом кармане брюк. Затем в том кармане, который расположен на брюках сзади. Затем в том кармане, который находится в пиджаке с внутренней стороны. И, наконец, в маленьком кармашке, нашитом на пиджаке с левой стороны вверху, куда обычно кладут карандаш, вечное перо или вставляют платок, когда хотят выглядеть понаряднее. Все карманы были пусты.

– Вижу, вам её не найти, – сказал Августин Радио.

– Не представляю себе, куда она запропастилась, – соврал Фердинанд, и от вранья ему сразу стало не по себе. – Куда это я её засунул?

– Может быть, выходя из дому, вы оставили её на письменном столе?..

— Возможно, — поспешно согласился Фердинанд, прекрасно зная, что у него с рождения никакого письменного стола не было.

— Или сунули в другой костюм...

— И это не исключено, — поддакнул Фердинанд, хотя отлично знал, что тот костюм, который он на себя надел, является его единственным костюмом.

— Одного только боюсь: а вдруг вы её потеряли? — с озабоченным видом сказал Августин Радио.

— Об этом не может быть и речи, — ответил Фердинанд. — Ни разу в жизни я ещё ничего не терял, — добавил он с радостью. Это была первая правдивая фраза, сказанная им за весь разговор. Сомнений не было: говорить правду гораздо приятнее.

— Вы не будете возражать, если я сделаю вам одно предложение? — спросил его новый знакомый.

— Разумеется, нет.

— Вы, наверно, очень дорожите своей книжкой... Будем надеяться, вы её найдёте...

«Да, когда рак на горе свистнет», — подумал про себя Фердинанд.

– Но пока что, – продолжал Радио, – не откажите принять на память о нашей встрече маленькую скромную записную книжечку. Вы согласны?

– Мне будет очень приятно... Это будет самая любимая из всех моих записных книжек, – ответил, упиваясь своей находчивостью, Фердинанд.

Они зашли в магазин, и Августин Радио выбрал для Фердинанда тёмно-зелёную записную книжечку в красивом переплёте, с разлинованными в клетку страничками.

– На первой страничке напишите, пожалуйста, сегодняшнее число...

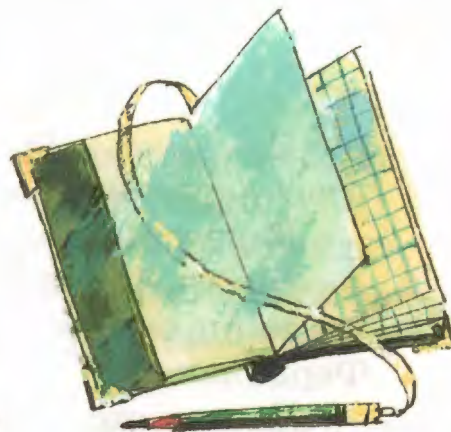
– Написал, – отозвался Фердинанд.

– Под числом напишите крупными буквами: СВОБОДНЫЙ ВЕЧЕР.

– Сво-бод-ный ве-чер, – повторил Фердинанд. – Написано!

– Прекрасно! – потёр руки его новый приятель. – Значит, я со спокойной совестью имею право пригласить вас в кино. Я могу быть уверен, что ваших планов не нарушу. В записной книжке чёрным по белому написано, что у вас свободный вечер. Видите, какая полезная вещь записная книжка! Посмотришь одним глазком – и сразу всё ясно...

После кино они решили прогуляться. Августин Радио был в восторге от игры актёров. Фердинанд с ним не спорил – не только потому, что плохо разбирался в этом, но ещё и потому, что проспал больше половины сеанса. Однако, чтоб не прослыть невеждой, надо было что-то сказать. Фердинанду понравился больше всего пёс Бинго, который вихрем пролетел по комнате, открыл лапами дверь и помчался следом за скакавшим на коне хозяином.

— Ну а мне, — бросил он небрежно, — понравился больше всего актёр, играющий роль Бинго.

— Какого Бинго? — спросил с изумлением Радио.

— Бинго, той собаки, которая бежит следом за хозяином, когда он скачет на лошади... — снисходительно пояснил Фердинанд.

— Да ведь это же не актёр! — воскликнул Августин.

— Как не актёр! Ведь он участвует в фильме, — рассмеялся Фердинанд.

— Участвовать участвует, но это не актёр. Это самая обыкновенная собака.

— Как у вас язык поворачивается говорить такие вещи! — возмутился Фердинанд. — Ни одна собака не смогла бы так сыграть своей роли. Вы обратили внимание, как красиво бежал он по комнате? А как он потом открыл дверь? А с каким чувством смотрел вслед уезжающему хозяину, перед тем как броситься вдогонку? Нет, я не согласен. Обыкновенная собака так не сможет. Для этого надо быть актёром.

— Вы даже не представляете себе, на что способны собаки, — сказал Августин Радио.

— Допустим, что не представляю, — ответил не без иронии Фердинанд. — И всё-таки я считаю, что это был актёр, переодетый собакой.

— Вы полагаете, это возможно? — спросил с недоверием Радио.

— Не только полагаю, но уверен, — решительно ответил Фердинанд. — Скажу вам больше: лично мне известен такой случай, только там всё произошло в обрат...

Но тут Фердинанд прикусил язык, так как понял, что сболтнул лишнего.

– Вы хотите сказать, что слышали о собаке, которая была переодета человеком? – не унимался Августин Радио.

– Да нет же, нет, – пытался замять разговор Фердинанд, – я, наверно, перепутал. Знаете что, – сказал он, стараясь перейти на другую тему, – по-видимому, я устал и начинаю заговариваться.

– В самом деле поздно, – согласился Радио. – Я тоже чувствую усталость. Давайте-ка разойдёмся по домам.

– Не возражаю, – поспешно поддержал его Фердинанд. – Надеюсь, мы с вами ещё встретимся.

– Не сомневаюсь. В вашем обществе не замечаешь, как летит время.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Фердинанд. До свиданья!

И они разошлись в разные стороны. Фердинанд брёл по улице, не представляя себе, что теперь делать. Спать хотелось ужасно. Он мог бы вернуться домой, но тогда всему придёт конец. Нет, этого он ни в коем случае не сделает.

«Минуточку. – В голове у Фердинанда мелькнула смутная догадка. – Что делает человек, когда ему хочется спать, а переночевать нигде?»

Вдали маячила красная, мерцающая в темноте неоновая вывеска:

ГОСТИНИЦА
«ПОД ВЕСЁЛЫМ ДРАКОНОМ»

«Гостиница? Это как раз то, что мне нужно. Пойду переночую в гостинице», — решил Фердинанд и направился прямо к сияющей вывеске.

Толкнув вертящиеся, похожие на карусель двери, Фердинанд очутился в просторном холле. Поодаль от дверей, под эмблемой, изображающей весёлого дракона, дремал за стойкой портье. За спиной у него виднелась огромная деревянная доска, вся увешанная красивыми ключами. На кителе портье поблёскивало множество золотых пуговиц.

— Добрый вечер! — воскликнул он, прежде чем Фердинанд успел открыть рот. — Чем могу служить?

Впервые кто-то собирался служить Фердинанду. До сих пор его всегда заставляли быть услужливым. Но Фердинанд устал уже удивляться.

— Добрый вечер, — ответил он, — мне хотелось бы переночевать.

— Желаете номер на одного человека?

— Да, на одного человека.

— Номер 423, четвёртый этаж, — скороговоркой пробормотал портье. — Вот ключ.

— Спасибо, — ответил Фердинанд, взял ключ и собрался было идти.

— Минуточку, — остановил его портье. — Имя, фамилия?..

— Что? — спросил Фердинанд, сделав вид будто не расслышал.

— Имя, фамилия...

— Фердинанд, — ответил Фердинанд.

— Так, это имя. А фамилия?

— Ммммм... — задумался Фердинанд. Ничего не приходило ему в голову. Это был отчаянный момент. И вдруг он вспомнил, что в этот день о нём часто говорили: «Великолепный». И громко, с улыбкой облегчения он произнёс: — Великолепный.

— Прекрасно, — подхватил портье и, отметив что-то в толстой книге, с глубоким поклоном сказал: — Спокойной ночи.

Лифт доставил Фердинанда на четвёртый этаж; хорошенькая горничная проводила его до дверей 423-го номера и, пожелав спокойной ночи, исчезла. Фердинанд остался один. Он закрыл дверь на ключ, разделся, ощутив внезапную жажду, открыл водопроводный кран, полакал воды и нырнул в чистую постель. Растянувшись в постели, он почувствовал себя наверху блаженства.

Уснуть, однако, не удалось. Прошёл час, другой, а Фердинанд не мог сомкнуть глаз. Он вертелся в постели, пробовал даже свернуться калачиком — ничто не помогало. Наконец он понял: постель слишком мягка. Тогда он вскочил, улёгся на коврик возле кровати и тут только ощутил, что его одолевает дремота. Он даже не заметил, как уснул.

VI

В три часа ночи у портье зазвонил телефон. Не успев хорошенько проснуться, портье потянулся к трубке.

— Слушаю, — сказал он.

— Говорят из номера 422, — раздался в трубке мужской голос. — В комнате рядом слышно урчание.

— Урчание? — изумился портье.

— По-моему, я сказал ясно: урчание, — волновался голос в трубке. — Прошу принять меры, я не могу уснуть.

После этого трубку повесили.

— Что это может быть? — начал соображать портье. — Электрополотёр? Исключено. Ночью в нашей гостинице полов не натирают. Может, урчит вода в трубах... Иной раз у человека бывает бессонница, тогда каждый пустяк выводит его из себя. Может быть, у приезжего из 422 номера бессонница...

Придя к такому выводу, портье задремал снова. В пятнадцать минут четвёртого телефон затрезвонил опять. Опять портье неторопливо потянулся к трубке и опять, наверное, уже в тысячный раз, с заученной вежливостью сказал:

— Слушаю.

– Вы знаете, – заскрежетал голос в трубке, – в соседней комнате что-то урчит. Всё время что-то урчит...

– Назовите, пожалуйста, своё имя, – вежливо попросил портье.

– Говорит Марианна Донаувеллен... Марианна Донаувеллен.

– Минуточку, – перебил её портье, – какой номер?

– 424... 424... – заскрежетало в трубке.

– И вы говорите, за стеной урчит?

– Безусловно урчит, безусловно урчит. Так урчит, что я даже проснулась, даже проснулась...

– Я постараюсь выяснить, в чём дело, – заверил взволнованную даму портье. – Надеюсь, остаток ночи вы проведёте спокойно. Желаю приятного сна.

– Большое спасибо, большое спасибо...

И трубку повесили.

– В самом деле, что же это урчит? – буркнул портье и почесал в затылке. Впервые за всю его многолетнюю практику произошёл такой случай. Он уже привык к всевозможным прихотям и капризам бесчисленных путешественников. Привык к их справедливым и несправедливым требованиям, но с урчанием, да ещё посреди ночи, он сталкивался впервые. Может, им померещилось? Лучше подождать до утра. А утром всё выяснится само собой.

За спиной портье мирно тикали часы. Ночью, когда все спят, гостиница погружается в какую-то необыкновенно сонную атмосферу. Будем откровенны, портье поддался искушению. Прошло две-три минуты, и он снова задремал в своём кресле. Ему даже приснилось, что он сам урчит во сне, как вдруг опять раздался звонок.

– Слушаю, – сказал портье спокойным, ровным голосом.

– Портье, – зарокотал в трубке чей-то бас. – В нижнем номере я слышу урчание. Безобразие, в вашу гостиницу пускают постояльцев с собаками.

– Скажите, пожалуйста, из какого номера вы звоните? – вежливо спросил портье.

– Из 523. А от этих собак, скажу вам, только блохи в коврах да в постелях.

– Это, вероятно, недоразумение, – попытался успокоить его портье. – Уверяю вас: у нас никто не ночует с собакой.

– Как это никто? – загремел бас. – А урчание?

– Может быть, вам показалось...

– Хорошенькое «показалось»! – загрохотал бас. – Поднимитесь-ка сами. Тогда услышите...

– Сейчас приду, – ответил портье и повесил трубку.

Он глянул на часы. Было уже почти четыре. Портье не стал подниматься на лифте – ведь его шум мог потревожить всю гостиницу. Он отправился наверх пешком. Вот какие были у него мысли: «Звонили мне из 523 номера, значит, внизу находится 423. Кто живёт в 423? – задумался портье. – Не тот ли знаменитый пианист, который давал сегодня концерт в филармонии? Нет, знаменитый пианист живёт в 241. Может быть, это Лилля де Парма, прославленная кинозвезда? Нет, не она. Лилля де Парма заняла 118. Может быть, это всемирно известный маг Абракадабра из Индии? Где там...

Абракадабра живёт в 303. Может быть, это футбольная команда, которая приехала на завтрашний матч? Ничего подобного. Я их поселил в 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, а запасному игроку дал 412 номер. Интересно, кто же всё-таки живёт в 423? Никак не вспомню. Сейчас,

сейчас... Не тот ли мужчина, который пришёл поздно вечером? Как его фамилия? Забавная какая-то... А!.. – воскликнул портье, хлопнув рукой по лбу. – В 423 поселился Фердинанд Великолепный. Он был без собаки. Это совершенно исключено. Я сам давал ему ключ. Отлично помню, он был без багажа. Какая там собака...»

Запыхавшийся портье остановился возле номера 523. Постучал. Дверь открыл крохотный человечек в розовой пижаме. Портье сперва подумал, что ошибся.

– Входите, – пророкотал человечек. Голос до смешного не соответствовал его внешности. Такой бас мог быть только у великана.

– Закройте плотней дверь, – пророкотал человечек снова.

Портье вошёл в номер, закрыл дверь и остановился в нерешительности, не зная, что теперь делать.

Человечек приложил палец к губам.

– Т-с-с-с, – сказал он. – Слушайте.

Портье кивнул, и оба затаив дыхание стали прислушиваться.

Прошла минута, две, три... Тишина. Тишина, не нарушаемая даже шорохом.

– Слышите что-нибудь? – спросил бас.

– Ничего не слышу, – ответил портье.

– Совсем ничего?

– Совсем ничего.

– Знаете, я тоже ничего не слышу, – признался бас.

– По-видимому, вам показалось.

— Клянусь вам, я слышал! — воскликнул бас.

— Но теперь-то урчания нет!

— Теперь нет, а вот тогда было...

Человек был явно сконфужен.

— Пожалуй, я пойду, — сказал портье, — будем надеяться, вас больше не потревожат.

— Мне, право, неприятно, что я вас зря беспокоил...

— Что вы, это входит в мои обязанности.

Портье закрыл за собой дверь 523 номера и стал не торопясь спускаться по лестнице. Не успел он дойти донизу, как снова затрезвонил звонок. Портье бросился со всех ног к телефону, снял трубку и сказал:

— Я вас слушаю.

— Говорят из 323 номера, — запищал испуганный женский голосок. — В номере надо мной что-то урчит. Я боюсь. Мне очень страшно.

— Сохраняйте спокойствие, вам не грозит опасность.

— Вы не можете себе представить, до чего я боюсь урчания! Когда мне было шесть лет, меня чуть было не укусила собака...

— Всё-таки не укусила.

— Правда... Не укусила. Но вы не представляете, как она на меня рычала. С тех пор я панически боюсь собак.

— Вы уверены, что урчание слышится над вами?

— Конечно, уверена.

— Тогда я разбужу директора. Мы займёмся этим урчанием. А пока что ложитесь и постарайтесь уснуть.

— Только вы, пожалуйста, не забудьте, — простонала дама, — мне очень страшно.

Портье положил трубку, взглянул на часы и решил поговорить с директором. Было около пяти. Будить в это время директора означало идти на верные неприятности, но иного

выхода у портье не было. Он набрал номер, и вскоре в трубке послышался сонный голос директора:

- Кто там, чёрт побери?
- Это я, дежурный портье.
- Зачем вы меня разбудили, чёрт побери?
- Я осмелился разбудить вас, потому что в 423 номере что-то урчит.

- Пусть урчит, чёрт побери!
- Приезжие жалуются!
- Какие приезжие, чёрт побери?
- Приезжие из номеров 422, 424, 323 и 523.
- Как по-вашему: что это урчит, чёрт побери?
- Раз урчит, значит, собака.
- Ведь вы же знаете, что мы не сдаём номера приезжим с собаками, чёрт побери!

- Знаю.
- А кто живёт в 423, чёрт побери?
- Фердинанд Великолепный.
- Он приехал без собаки?
- Без собаки.
- Что ж тогда всё-таки урчит, чёрт побери?
- Может, он пронёс навёрх портативную собаку?
- Очень может быть, чёрт побери! – гаркнул директор. – Мы должны это выяснить. Сейчас я буду.

Директор молниеносно оделся и через какие-нибудь пятнадцать минут был уже в гостинице.

- Пошли, – сказал он решительно.
- Пошли, – отозвался, как эхо, портье.

Они поднялись наверх, прошли по коридору и затаив дыхание остановились перед дверью 423 номера.

- Не урчит?

– Не урчит.
– Приложим ухо к дверям. Не урчит?
– Не урчит.
– Ляжем на пол. Не урчит?
– Не урчит. Впрочем, постойте...
– Глупости, это у меня в животе.
– Что же делать?
– Придётся постучать, чёрт побери. Мы должны проникнуть в эту тайну.

Они постучали. Очнувшись от глубокого сна, Фердинанд не понял сначала, в чём дело. Он вскочил с коврика и только тогда пришёл в себя.

– Кто там? – спросил он.
– Директор гостиницы, – ответил директор.
– Одну минуточку, я только оденусь...

Фердинанд скомкал второпях одеяло. Он не хотел, чтобы директор догадался, где он провёл ночь. Потом натянул брюки, надел рубашку, на рубашку накинул пиджак, завязал галстук, глянул в зеркало и, улыбнувшись своему отражению, поспешил к двери. Директор вбежал первый.

– У вас в номере собака! – крикнул он.
– Вы ошибаетесь, – мягко возразил Фердинанд. – Если не верите, можете обыскать комнату.

VII

Итак, они поурчали как старые друзья. Думаю, вы согласитесь, что только старые друзья могут так дружно, так беззаботно отдаваться урчанию. И всё же директор не мог побороть в себе чувства вины. Сомнений не было: он зря разбудил спящего глубоким сном приезжего человека, который вправе был спать ровно столько, сколько ему заблагорассудится. Директор решил загладить свою вину. Он наклонился к уху портье и зашептал:

- Как его, собственно, зовут?
- Кого? – также шёпотом переспросил портье.
- Ну того, которого мы разбудили.
- Великолепный. Фердинанд Великолепный.
- Великолепно, – буркнул директор.

Портье ещё раз наклонился к уху директора:

- Не «великолепно», а «Великолепный».
- Знаю, что «Великолепный», – отрезал директор.
- Мне показалось, вы сказали «великолепно», – торопливо зашептал портье.

– Я действительно так сказал, – прошептал в ответ директор, сердясь всё больше и больше. – Я сказал, что это великолепно, что он Великолепный.

– Ага...

– Простите, пожалуйста, о чём вы шепчетесь? – спросил Фердинанд, который почувствовал вдруг, что ему скучно.

– Ни о чём, – смутился директор, – мы просто обсуждаем служебные дела...

– Служебные... О, это очень важно! – почтительно протянул Фердинанд.

– Видите ли, дорогой Фердинанд, – торжественно начал директор, – дирекция гостиницы «Под весёлым драконом» решила исправить свою оплошность...

– Какую оплошность? – спросил удивлённый Фердинанд.

– Мы только что совершили ужасный проступок...

– Какой проступок?

– Мы разбудили нашего гостя...

– Кого? – заинтересовался Фердинанд.

– Вас, дорогой Фердинанд, – сказал с раскаянием в голосе директор.

– Подууууумаешь! – пренебрежительно протянул Фердинанд. – Стоит ли вспоминать...

– Нет, я никогда себе этого не прощу! – горячо запротестовал директор. – Мы должны хоть как-то загладить вину. Час ещё ранний, и мы не имеем права поднимать по своей прихоти гостей с постели.

– Мне не хочется спать, я прекрасно выспался, – заверил директора Фердинанд.

– Всё равно, наш долг – загладить свою вину. У вас есть какое-нибудь желание?

Фердинанд подумал-подумал и ответил:

– Нет.

– В самом деле никакого?

- Никакого.
- Может, вам хочется шоколаду?
- Если говорить правду, я не очень-то люблю шоколад, в особенности натошак.
- Может, пригласим в номер парикмахера?
- Спасибо, я бреюсь сам, – соврал Фердинанд.
- Не хотите ли покататься на нашем автомобиле? – не унимался директор.
- Я больше люблю ходить пешком, честное слово.
- Мы закажем для вас на вечер билет в оперу.
- О, там так воют, – чуть не плача ответил Фердинанд.

- Мы поставим к вам в номер телевизор.
- В нём всегда ужасно мелькает.
- Может, выгладить ему брюки? – предложил портье.
- Не терплю острых складок.
- Дорогой Фердинанд! – Директор стал на колени посреди комнаты. – Скажите, что мы можем для вас сделать? Какой сюрприз вам приготовить?
- Зачем сюрприз?
- Мы обязаны, поймите, обязаны. Этого требует наша профессиональная честь.
- Пожалуй, вы правы, – согласился Фердинанд. Он поспешил поднять директора с пола, заглянул ему в глаза и спросил: – А лифт у вас есть?

— Есть, разумеется, есть, — закричали в один голос портье и директор.

— Знаете, — робко сказал Фердинанд, — я ещё ни разу в жизни не катался в лифте.

— Наш лифт в вашем распоряжении, дорогой Фердинанд! — воскликнул обрадованный директор. — Можете ездить сколько угодно.

— Знаете, — разоткровенничался взволнованный Фердинанд, — я безумно люблю путешествовать. До сих пор мне приходилось ездить вдоль и поперёк, но мне ещё не случалось путешествовать сверху вниз и снизу вверх.

— Увы, это путешествие не будет продолжительным, — заметил директор. — У нас всего девять этажей.

— Для первого раза достаточно, — заверил Фердинанд. — Можно приступить?

— Разумеется! — сказал портье. — Вот ключ от лифта.

— Вперёд! — завопил Фердинанд и от радости подпрыгнул.

— Вперёд, — весело отозвался директор.

Все трое выбежали из комнаты.

Кабина лифта находилась на первом этаже.

— Сейчас мы её сюда вызовем, — сказал директор.

— То есть как «вызовем»? — удивился Фердинанд.

— А вот увидите, она сама к нам приедет.

— Любопытно...

Портье достал из кармана ключ, вложил его в замок в дверях лифта и повернул. Загудел мотор, и через минуту на четвёртый этаж прибыла кабина. Они открыли дверь и вошли внутрь. Кабина была квадратная, со стеклянными стенками, с зеркалом, с обитой кожей скамеечкой. Портье захлопнул дверь и нажал кнопку. Кабина послушно заскользила вниз.

— Нравится? — спросил директор.

— Очень, — ответил Фердинанд.

На этом разговор и оборвался, потому что кабина остановилась на первом этаже.

— Я здесь, пожалуй, сойду, — сказал портье. — А то у конторки собралось много народу.

Фердинанд бросил взгляд через стеклянную дверцу кабины и увидел толпу людей. Это были разбуженные урчанием постояльцы. Но он, конечно, не мог этого знать.

— Хорошо, — сказал директор, — выходите. А я ещё ненадолго здесь задержусь и объясню нашему милому гостю, как управлять лифтом.

Портье вышел. Фердинанд остался в кабине вдвоём с директором.

— Видите кнопки? — сказал директор, указывая на ряд белых кнопок. — Под каждой — подпись. Под самой нижней написано: ТРЕВОГА. Это на случай, если лифт застрянет между этажами или произойдёт какая-нибудь авария. Выше кнопка с надписью: 1-й ЭТАЖ. Мы нажимаем на неё, если нам надо спуститься вниз. Затем кнопка с надписью: 2-й ЭТАЖ, потом 3-й ЭТАЖ, потом 4-й ЭТАЖ, потом 5-й ЭТАЖ, потом 6-й ЭТАЖ, потом 7-й ЭТАЖ, потом 8-й ЭТАЖ и, наконец, 9-й ЭТАЖ.

— Как всё продумано! — удивился Фердинанд. — Можно, я нажму какую-нибудь кнопку?

— Ну, разумеется, нажимайте на все кнопки!

— Для начала высоко забираться не будем.

И Фердинанд нажал кнопку второго этажа. Через несколько секунд они были уже на месте.

— Теперь поедem на седьмой.

— Прекрасно! — сказал директор.

— А теперь с седьмого на третий.

— Чудесно!

— А теперь с третьего на девятый.

— Замечательно!

И они принялись ездить сверху вниз и снизу вверх, останавливались на секунду и тотчас отправлялись дальше.

А внизу стояли люди. Марианна Донаувеллен из номера 424, говорливая женщина, которая, общаясь с собеседником, повторяла каждое слово дважды, и рокочущий басом человек из 523 номера, и знаменитый пианист из 241 номера, и Лилля де Парма из 118, и маг Абракадабра из 303, и боязливая дама из 323, и жилец из 422, и вся футбольная команда, занимающая комнаты с 401 по 412 включительно, — все с интересом наблюдали за необычным поведением лифта. Они были так захвачены этим зрелищем, что забыли даже о претензиях, с которыми прибежали к портье. Задрав голову, стояли они внизу и старались угадать, на каком этаже остановится сейчас лифт.

— А я говорю, на восьмом! — кричала Лилля де Парма.

— А я говорю, на четвёртом! — кричал маг Абракадабра.

— А я говорю, на шестом! — надрывался знаменитый пианист.

Тем временем лифт поднялся снова на девятый этаж. С девятого опустился на первый и тут же снова устремился на девятый, даже никто рта не успел раскрыть.

Фердинанд с директором удобно устроились в лифте на скамеечке, и только время от времени кто-нибудь из них нажимал на облюбованную заранее кнопку. Потом это им надоело, и с закрытыми глазами они стали тыкать пальцем наугад.

Так они уже сделали, наверно, добрых несколько километров, как вдруг Фердинанд спросил:

— А для чего самая верхняя кнопка?

— Самая верхняя на девятый этаж, — ответил директор.

— Это я вижу, — ответил Фердинанд, — но для чего та кнопка, которая над ней?

— Там нет никакой кнопки, — ответил директор, который всё ещё сидел с закрытыми глазами.

— Как же, есть! Посмотрите сами.

Директор открыл глаза.

— Действительно, ещё одна кнопка, — удивился он. — Я готов поклясться, что раньше её не было. Я никогда её не видел.

— Интересно, для чего эта кнопка? — задумчиво спросил Фердинанд.

— Можно попробовать, — сказал директор.

— Вам никогда не приходилось на неё нажимать? — спросил Фердинанд.

— Никогда, — ответил директор.

— Знаете что, — предложил Фердинанд, — чтоб никому не было обидно, давайте нажмём на неё вместе, ладно?

— Превосходно, — ответил директор. — С вами, дорогой Фердинанд, не соскучишься.

Они вместе нажали на кнопку, и толпящиеся в холле люди с ужасом увидели, как лифт, дойдя до девятого этажа, не остановился, прошёл выше, миновал чердак, потом крышу, которая вдруг раздвинулась перед кабиной, и устремился вверх, в светло-голубое, подёрнутое лёгкими облаками небо.

VIII

Портье посмотрел вслед исчезающей в голубых просторах кабине, почесал затылок и, не теряя времени даром, вывесил на лестнице табличку

А Фердинанд и директор никак не могли взять в толк, что же, собственно, произошло.

- Кажется, мы поднялись в воздух, — сказал Фердинанд.
- У меня точно такое же впечатление, — сказал перепуганный директор.
- Может, не стоило нажимать эту кнопку?
- Теперь ничего не поделаешь.

Кабина всё поднималась. Домá становились меньше и меньше, улицы уже, а трамваи и автобусы напоминали детские игрушки. Навстречу им плыли облака.

— Интересно, на какой высоте мы находимся? — подумал вслух Фердинанд.

— Вы находитесь на высоте четырёхсот восьмидесяти пяти метров, — сообщила набегающая тучка.

— О, вы очень любезны! — воскликнул Фердинанд, галантно раскланявшись. — Благодарю вас за сообщение, милая тучка.

Тучка помахала рукой, поплыла дальше.

— Вы меня удивили, дорогой Фердинанд, — сказал директор, — я и не предполагал, что вы умеете разговаривать с облаками.

— С каждым можно найти общий язык, нужен только подход, — не без самодовольства отозвался Фердинанд, забыв о том, что тучка заговорила с ним первая. — Попробуйте теперь вы, тут нет ничего особенного.

Директор незамедлительно принялся высматривать тучку. Как только она подплывала, он открывал дверь, высовывался наружу и кричал:

— Здравствуй, малышка!

— Здравствуйте, директор, — отвечала тучка. — Желаю приятного путешествия.

— Как дела, розовая тучка? — обращался он к следующей.

— Большое спасибо. Неплохо. Куда держите путь?

— Да так, вообще, — отвечал директор, потому что не знал сам, куда и зачем они направляются. — Хотим посмотреть сверху на землю.

— Что ж, приятной прогулки! — кричала в ответ тучка и исчезала, а директор затевал уже новый разговор. — Привет, хорошенькая тучка, как спалось?

— Неплохо, — отвечала тучка. — Нынче ночью небо изволило быть безоблачным, и мы все хорошо выспались.

— Потому-то ты так и выглядишь, что хорошо выспалась.

Тучка заливалась лёгким румянцем и улетала прочь, крикнув на прощание:

— Простите, не могу больше задерживаться, наш начальник Ветер сегодня нас ужасно гоняет! До свиданья!

И исчезла.

— Очень приятно беседовать с тучками, — сказал директор, потирая от удовольствия руки.

— Может быть, хватит? — заметил Фердинанд. — А то мы всё время поднимаемся, а вы без конца высовываетесь. Как бы не вывалиться из кабины...

Директор глянул вниз, и голова у него закружилась. Он захлопнул дверь и уселся на скамейке.

— Не отчаивайтесь, — подбодрил его Фердинанд. — Пока мы не падаем, у нас нет оснований отчаиваться.

— Неужели мы всё ещё поднимаемся? — простонал директор.

— По-моему, да, — ответил Фердинанд. — Наша кабина не оснащена высотомером, и мы не можем судить...

— А что, если спросить?

— У кого?

– Я вижу птицу, – крикнул директор, – спросите у птицы!
– Эй, птица, птица! – крикнул Фердинанд. – Не можете ли вы сказать, на какой высоте мы находимся?

Птица подлетела ближе и села на крышу.

– Спуститесь, пожалуйста, в кабину! – закричали в один голос оба путешественника.

Птица впорхнула в кабину и устроилась на скамейке между директором и Фердинандом.

– Вас интересует высота? – осведомилась птица.

– Да, нам нужно знать, далеко ли земля.

– В настоящий момент вы находитесь на высоте пятнадцати тысяч ста одиннадцати клювов... – деловым тоном ответила птица.

– Я что-то не очень понимаю... – замялся Фердинанд.

– Клюв – это мера длины, – объяснила птица.

– Сколько получится, если клювы перевести на сантиметры? – спросил директор.

– Этого я не знаю, – ответила птица.

– Ну хотя бы примерно, – попросил Фердинанд.

– Взгляните на мой клюв, – сказала птица.

– Очень красивый клюв, – отозвался Фердинанд.

– Не в том дело... Сколько в нём сантиметров?

– Трудно сказать, сантиметра четыре...

– А по-вашему? – обратилась птица к директору.

– Наверно, сантиметров шесть.

– Ну, скажем, пять... Согласны?

– Конечно, согласны! – воскликнули Фердинанд и директор.

– Тогда всё очень просто, – сказала птица, гордясь своей сообразительностью, – клювы нужно перевести в сантиметры, а сантиметры – в метры.

– Считать!.. Терпеть не могу! – заволновался Фердинанд. – Может, вы этим займётесь? – предложил он директору.

– Попробую, – ответил директор. – Предположим, один клюв равен пяти сантиметрам. Тогда десять клювов – это пятьдесят сантиметров, сто клювов – пятьсот сантиметров, тысяча клювов – пять тысяч сантиметров, десять тысяч клювов – пятьдесят тысяч сантиметров, пятнадцать тысяч клювов – семьдесят пять тысяч сантиметров, а семьдесят пять тысяч сантиметров равны семистам пятидесяти метрам. К этому остаётся прибавить ещё сто одиннадцать клювов, что составляет пять метров пятьдесят пять сантиметров. Итак, пятнадцать тысяч сто одиннадцать клювов равняется семистам пятидесяти метрам и пятидесяти пяти сантиметрам. Это как раз и есть высота, на которой мы находимся. Я весь взмок от этих подсчётов.

– Вы решили эту задачу замечательно, – сказал с восхищением Фердинанд. – Поздравляю вас, дорогой директор.

– Ничего здесь нет замечательного, – скромно ответил директор. – Когда работаешь директором, надо уметь считать. Мы всё ещё поднимаемся?

– Да, – ответила птица, – мы поднялись ещё клювов на пятнадцать.

– Ужасно! – в отчаянии вздохнул директор. – Дорогой Фердинанд, надо что-то предпринимать! Не можем же мы без конца подниматься и подниматься.

– Будем надеяться, нам подскажут, что делать в таких случаях, – сказал Фердинанд и вопросительно посмотрел на птицу.

Птица в свою очередь с серьёзным видом взглянула на Фердинанда.

– Прежде всего позвольте представиться. Я вошёл в вашу ракету и даже не представился.

– Какая там ракета... – махнули рукой директор и Фердинанд, – самая обыкновенная кабина от лифта, которой вздумалось вдруг взлететь в воздух. Вот мы и летим.

– Это не имеет значения. Кабина... лифт... В настоящий момент это воздушный корабль, иначе не назовёшь. Можете мне верить, уж я-то в этих делах толк знаю. Моя фамилия Голубовский.

Фердинанд с директором глянули на птицу повнимательнее. Действительно, в ней было что-то голубиное. Это лишний раз подтверждало, что фамилия невымышленная. Каждый по очереди назвал своё имя.

– Великолепный, Фердинанд Великолепный, – представился Фердинанд.

– Девон. Алексей Девон, – представился директор.

– Очень приятно, – сказал Голубовский.

– О нет, это нам приятно! – воскликнули директор и Фердинанд.

– Итак, чем могу быть полезен? – спросил у путешественников Голубовский.

– Дело в том, – сказал директор, – что мы не представляем себе, как спуститься на землю. До сих пор мы только поднимались. А это становится опасно.

– Насколько мне известно, – ответил Голубовский, – существует несколько способов: если мы складываем крылья, мы падаем камнем вниз; если мы используем воздушные течения, мы плавно снижаемся, распластав

крылья, при этом мы делаем круги; если мы поворачиваем определённым образом хвост...

— А других способов нет? — спросил сдавленным голосом Фердинанд.

— Может, и есть, но мне они неизвестны.

— У нас, видите ли, нет крыльев, — сказал, заламывая руки, директор.

— И хвостов, — добавил со слезами на глазах Фердинанд.

— И всё же надо что-то предпринять, — сказал, потрянув головой, директор.

— Надо! — поддержал его окрепшим голосом Фердинанд.

— Но что? — сказал упавшим голосом директор.

— Что? — простонал Фердинанд.

— Что? — задумался Голубовский.

— Мне кажется, если положить к нам в кабину какие-нибудь тяжести, то она в силу законов земного тяготения начнёт снижаться, — заметил директор.

— Тяжести... — отозвался Фердинанд. — Но какие?

— Любые. Например, кирпичи, — сказал директор.

— Смешно и говорить, — отозвался Фердинанд, — откуда здесь кирпичи? Насколько мне известно, кирпичи по воздуху не летают.

— Одну минуточку, — вмешался в разговор Голубовский. — Мне в голову пришла мысль. Может быть, нам удастся загрузить вашу кабину и заставить её опуститься.

— Если вы этого добьётесь, вы — маг и волшебник, — не без ехидства заметил Фердинанд.

— Я дам вам премию: сто мешков с горохом, — заявил директор, которому эти слова тоже показались забавными.

— Ловлю вас на слове, — ответил Голубовский. — Ненадолго мне придётся вас покинуть. Откройте, пожалуйста, дверь.

Фердинанд открыл дверь, птица привстала на скамейке, взмахнула крыльями и выпорхнула наружу. Она сделала несколько кругов над кабиной, которая тем временем поднялась ещё клювов на двадцать, махнула на прощание хвостом и улетела.

Директор и Фердинанд остались одни. Где-то далеко-далеко внизу виднелась земля. Высоко-высоко над ними сияло солнце. Даже облака попрятались куда-то. Путешественников окружала сплошная ровная синева. Чувство одиночества щемило сердце.

— Кажется, мы уже не вернёмся на землю, — с отчаянием предположил директор.

— Эх, и нужно же нам было... — заскулил Фердинанд.

— Никогда-никогда не увижу я своей любимой гостиницы... — стал всхлипывать директор.

— А я не увижу своих друзей... — присоединился к директору Фердинанд.

— Нужно было вам нажимать на эту кнопку! — сказал с укором директор.

— Мне? — возмутился Фердинанд. — Да ведь это вы нажали!

— Это не я! — крикнул директор. — Это вы! А я только сделал вид, что нажал.

— Неправда! — завопил задетый за живое Фердинанд. — Это я сделал вид, а вы нажали по-настоящему.

— Есть о чём спорить... — сказал директор, и его глаза наполнились слезами. — Мы оба нажали на эту кнопку...

— Да, вы правы, — сказал Фердинанд примирительным тоном. — Оба мы виноваты. Зачем только мы нажали на эту кнопку?

— Зачем мы нажали на эту кнопку, дорогой Фердинанд?

Пока они вели этот разговор, вдали показалась большая серая туча. Она росла, росла и окружила кабину со всех сторон. Стало темно, и в темноте слышался ровный шорох крыльев. Это Голубовский призвал на помощь стаю знакомых голубей.

— Садитесь на крышу! — кричал он охрипшим голосом. — На крышу!

Голуби быстро расселись на крыше. Кабина перестала подниматься. Она повисла в воздухе.

— Делаем пирамиду! — скомандовал Голубовский.

Следующая стая уселась на спинах тех голубей, которые перед этим уместились на крыше. Кабина стала медленно опускаться. А голуби строили свою пирамиду всё выше и выше, и кабина опускалась и опускалась. Директор и Фердинанд принялись скакать от радости и бить в ладоши. Наконец голубиная пирамида была готова. На вершине её сидел Голубовский. Фердинанд приоткрыл дверь и крикнул:

— Голубовский, вы маг и волшебник!

А директор добавил:

— За мной сто мешков гороха!

IX

— Теперь главное — приземлиться на ровном месте, — уже спокойнее сказал Фердинанд.

— Вы правы, Фердинанд, — подхватил директор, — только с высоты и замечаешь, что вся земля утыкана торчащими предметами. Совсем как подушечка для иголок и булавок.

— Бррр! Даже мороз подирает по коже! — содрогнулся Фердинанд, глянув вниз.

— Кто может поручиться, что мы не приземлимся на дерево? — упавшим голосом проговорил директор.

— Или на телеграфный столб... — добавил Фердинанд.

— Или на фабричную трубу...

— Или на башню...

— Или на антенну радиостанции...

— Или на громоотвод...

— Или на вершину горы...

— Или на фонарный столб...

— Или на остроконечную крышу...

— Минуточку, — прервал Фердинанд этот леденящий душу перечень. — Взгляните-ка, далеко ли ещё до земли?

— Ещё порядочно, — ответил директор.

- Тогда продолжаем. Или на телевизионную вышку...
- Или на нефтяную вышку...
- Или на семафор...
- Далеко ещё?
- Далеко.
- Или на парашютную вышку...
- Или на дерево...
- Дерево уже было! – воскликнул обиженно Фердинанд.
- Это ничего, – ответил директор, – я имел в виду другое дерево, не то, которое вы.
- Откуда вы можете знать, какое дерево имел в виду я?
- Мне кажется, вы подразумевали высокое дерево.
- Угадали! – воскликнул Фердинанд. – Это правда. Я имел в виду высокое дерево. А вы?
- Я подумал о другом дереве, тоже высоком, но не таком высоком, как ваше.
- Тогда всё в порядке. Далеко ещё?
- Далеко.
- Или на ратушу...
- Или на колокольню...
- Или на фонарь...
- Фонарь уже был, – поспешил взять своё директор.
- Вы ошибаетесь, – заявил Фердинанд. – Было сказано «фонарный столб», а о фонаре речи не было.
- Не вижу никакой разницы между фонарём и фонарным столбом, – пренебрежительно заметил директор.
- А я вижу. Впрочем, стоит ли спорить? – сказал примиряюще Фердинанд. – Лучше посмотрите, далеко ли до земли?
- Директор высунулся из кабины, глянул вниз, задумался на мгновение и сказал:

- Не так далеко, как раньше, но всё-таки ещё порядочно.
- Тогда продолжаем.
- Или на колючую проволоку.
- Аууу! – взвыл Фердинанд.
- Что с вами? – спросил с испугом директор.
- Лучше об этом не вспоминать, мы можем покалечиться.
- Можем, можем, – печально согласился директор.
- Я предпочёл бы приземлиться на что-нибудь помягче, – признался Фердинанд.
- Больше всего нам подошёл бы торт с шоколадным кремом, – сказал с насмешливой улыбкой директор.
- О торте не приходится и мечтать, – вздохнул Фердинанд. – Впрочем, хорошо ли это? Мы испачкаем костюмы...
- А химчистка на что? – возразил директор.
- Это уже слишком! – запротестовал Фердинанд. – По-моему, лучше вылизать.
- Покорнейше благодарю, – оскорбился директор.
- Если вам не хочется, я сам вылижу ваш костюм, – заверил директора Фердинанд и невольно облизнулся.
- Стоит ли говорить на эту тему, – довольно сухо отозвался директор, – на торт мы пока не приземлились.
- Это верно, – сказал Фердинанд. – Далеко ещё?
- Уже близко, – ответил, высунувшись, директор.
- Только б не на битое стекло... – буркнул Фердинанд.
- Ооо! – завопил во весь голос директор.
- Что случилось? – с тревогой спросил Фердинанд.
- Как у вас язык повернулся сказать мне такое!
- Вы думаете, моё битое стекло лучше вашей колючей проволоки?
- Если говорить откровенно: ни то ни другое мне не нравится.

– Вот видите. Стоит ли пугать друг друга. Далеко ещё?
Директор снова высунулся и в ужасе отпрянул.

– Караул! Земля рядом.

– Прекрасно! – ответил Фердинанд.

– Взгляните сами, тогда увидите, прекрасно или нет, – со стоном выдавил из себя директор.

Фердинанд высунулся наружу, и у него от страха шерсть под костюмом встала дыбом. Внизу, насколько хватал глаз, виднелись вбитые в землю высокие колья, какие расставляют в огороде под фасоль или под горох.

– Вот так штука! – И перепуганный Фердинанд, сдвинув на лоб котелок, стал почёсывать затылок. – Что же делать? Через минуту мы напоремся на эти дурацкие колья, и тогда?.. Хотел бы я посмотреть на вас, директор, как вы сядете на кол?

– Побеспокойтесь лучше о себе, – с горечью отозвался директор. – Нашли время для шуток. Нужно подумать о спасении.

– Но ведь это не в нашей власти, – отозвался Фердинанд.

– Не совсем, – решительно возразил директор. – Нужно только снова начать подьём.

– Да, но как?
– Очень просто – согнать с крыши голубей.
– Понял! – подхватил Фердинанд и, высунувшись из кабины, закричал: – Голубовский, а Голубовский!

Но Голубовский не отзывался.

Тогда принялся кричать директор.

Опять молчание.

Тогда они закричали вместе:

– Го-лу-бов-ский! Го-лу-бов-ский!

Снова никакого ответа. Оказывается, Голубовский уснул на вершине пирамиды и ничего не слышал. Он проснулся только тогда, когда один из примостившихся внизу голубей легонько клюнул его в живот.

– Что случилось? – спросил с досадой Голубовский. – Даже вздремнуть нельзя.

Директор и Фердинанд сразу узнали его голос.

– Голубовский, спасите нас, мы погибнем на кольях для гороха, спасите!

Голубовский покинул свой пост на вершине пирамиды и впорхнул в кабину.

– Что делать? – спросил он.

– Забирайте своих голубей! – крикнули полуживые от страха пассажиры.

– Все с крыши! – крикнул Голубовский, и, послушные приказу, голуби разлетелись в разные стороны.

Кабина подскочила вверх и, набирая скорость, устремилась ввысь, к облакам.

– Помогите нам, Голубовский! – завопили опять директор с Фердинандом. – Мы погибаем в космическом пространстве!

– Что делать? – спросил с готовностью Голубовский.

– Пусть голуби снова сядут на крышу.

— Всем на крышу! — скомандовал Голубовский. — Нет, не всем, пусть на крышу сядет половина. А остальные пусть кружат поблизости.

Часть голубей забралась на крышу, и кабина сразу перестала подниматься. Но и вниз не опускалась. Она просто висела в воздухе.

— Великолепно, — сказал Фердинанд. — Только мы не можем висеть до скончания века в воздухе.

— Не огорчайтесь, дорогой Фердинанд, — сказал Голубовский, — сейчас подует ветер и унесёт нас от этих оцетинившихся кольями полей. Когда мы окажемся над подходящим местом, я велю остальным голубям снова сесть на крышу, и уж тогда-то, я думаю, вы приземлитесь без помех.

— Просто диву даёшься, до чего вы предусмотрительны, — не мог сдержать восхищения директор. — Что касается меня, то я с удовольствием высадился бы в городском парке.

— Почему именно в парке? — поинтересовался Фердинанд.

— Потому что там сегодня выставка собак, которую я собираюсь посетить. В ней принимает участие моя любимая такса

Мерседес. Вы не можете себе представить, дорогой Фердинанд, какая это замечательная собака!

— По-моему, «мерседес» — марка автомобиля, — заметил Фердинанд.

— Да что вы? — изумился директор. — Вот никогда бы не подумал, что автомобиль назовут так же, как мою собаку. Впрочем, разве дело в этом?

— Разумеется, нет, — ответил Фердинанд. — Каждый имеет право носить имя, которое ему нравится. Мерседес... Мерседес... Звучит неплохо. Я с удовольствием познакомлюсь с вашей Мерседес.

— Как вы думаете, не высадиться ли нам прямо на выставке? — спросил директор у птиц.

— Надо наладить связь с Ветром, — сказал Голубовский.

— Мы с ним, к сожалению, незнакомы! — воскликнули в один голос директор и Фердинанд.

— О, это не так важно, я попробую поговорить с ним сам, — ободрил путешественников Голубовский и выпорхнул из кабины.

Он пропадал минут пятнадцать, а может, и полчаса. Но вот он появился снова и с улыбкой сообщил:

— Всё в порядке. Ветер обещал поддуть вас к городскому парку.

Теперь осталось только ждать. Ощетинившиеся кольями поля постепенно исчезли из виду, появились леса, луга, река с мостом, затем замелькали домики, потом показались большие дома, снова домики, и вот кабина поплыла наконец над парком.

— Вот мы и на месте, — сказал директор.

Голубовский велел всем голубям сесть снова на крышу, и кабина стала опускаться. До их слуха донёсся многоголосый лай. Это все собранные на выставке собаки приветствовали, каждая на свой лад, необыкновенный воздушный корабль.

Х

Кто никогда не был собакой, тот не в состоянии понять, что такое для породистой собаки выставка. Это то, о чём собака мечтает. Это то, что она видит во сне. Это то, о чём она тайком беспрестанно говорит с другими собаками при встрече на прогулке. Выставка имеет такую же притягательную силу, как бал для молоденькой девушки или игра в футбол для мальчишки, синева моря для глаз, вкус мороженого для нёба.

Кабина благополучно приземлилась на окружённой деревьями лужайке. Под приветственный лай, вой и урчание всех собранных на выставке экспонатов Фердинанд с директором спокойно, величественно переступили порог кабины. На их лицах было написано равнодушие, но сердца бешено бились в груди от радости. Что и говорить, приятно после столь необычного путешествия очутиться снова внизу и ощутить под ногами землю.

Фердинанд, который, как мы знаем, ни при каких обстоятельствах не терял хладнокровия, сказал, обратясь к директору:

— Нет ли у вас верёвки?

- Зачем вам верёвка? – спросил директор.
- Верёвка необходима, чтобы привязать кабину к дереву, а то она, чего доброго, улетит без нас.
- Пусть летит куда ей вздумается, я не намерен больше пользоваться её услугами.
- Я тоже. Но ведь кабина – это имущество гостиницы, не так ли?
- Да, конечно.
- А вы директор гостиницы, верно?
- Верно.
- Вот видите. Когда вы вернётесь обратно, в гостинице у вас могут быть неприятности: скажут, что вы не только воспользовались служебным лифтом для частной прогулки за город, но вдобавок ещё позволили кабине летать где ей вздумается. Представляете, как будет выглядеть ваша гостиница без лифта? Кто может поручиться, что, улетев отсюда, кабина вернётся на место?
- Вы, кажется, правы, – сказал директор и принялся лихорадочно рыться в карманах. – Попробуем привязать её этим шнурком. Ничего другого у меня нет.
- Это был шнурок от ботинка. Его продели в ручку дверцы и привязали концы к ветке. С большим трудом удалось затянуть узел.
- Интересно, кому придётся его распутывать? – заметил Фердинанд.
- Мне-то какое дело? – ответил директор. – Пусть распутывает кто хочет. Самое главное, мы её привязали.
- Впрочем, утомлённая путешествием кабина не проявляла желания улетать. «Вздремну», – подумала она.
- Мы знаем, что под деревьями, в тени, всегда хорошо спится.

Директор и Фердинанд, уходя, потрепали кабину по сверкающему боку, как треплют по шее доброго коня, на котором приезжают из далёкого путешествия.

– Пошли смотреть собак, – сказал директор.

– Пошли! – подхватил Фердинанд.

Не успели они сделать двух шагов, как увидели, что им навстречу мчится небольшая группа людей. Это был выставочный комитет во главе с председателем.

– П-п-п-приветствуем с-с-с-сердечно в-в-в-новь п-п-п-прибывших! – кричал на ходу председатель. Он был заика. И чем больше волновался, тем ощутимей был его недостаток.

– Мы бесконечно благодарны вам за то, что вы оказали нам честь своим высоким посещением! – кричал вице-председатель.

– Вы оказали нам честь своим прибытием! – вопил секретарь.

— Моё почтение, моё почтение, моё почтение! — надрывался казначей.

Фердинанд с директором от изумления разинули рты.

— Почему такая встреча? — пробормотал Фердинанд.

— Такая встреча... — отозвался, как эхо, директор.

— Мы тут случайно... — сказал Фердинанд.

— Мы прилетели посмотреть собачек... — пояснил директор.

— В-в-в-все с-с-с-собаки... — крикнул председатель так громко, что директор и Фердинанд вздрогнули, — в-в-в-в-в-вашем расп-п-п-поряжении! — докончил он со вздохом облегчения.

— Нам надо купить входной билет, — сказал директор.

— Об этом не может быть и речи, — запротестовал казначей, — вы почётные гости.

— Н-н-ник-к-каких билетов! — выдавил из себя председатель.

— И слышать не хотим, — поддержал его вице-председатель.

— Вы нас этим огорчите... — приложив руку к сердцу, заверил их секретарь.

— Да ведь мы только обыкновенные любители собак, — сказал Фердинанд.

— Обыкновенные любители приходят на выставку пешком, а не спускаются с неба, — шепнул вице-председатель председателю.

— Или п-п-п-приезжают на т-т-т-трамвае, — шепнул председатель, подмигнув, вице-председателю. И более громко добавил: — О ч-ч-ч-чём т-т-т-тут г-г-г-говорить! П-п-п-прошу з-з-з-за мной!

В сопровождении членов комитета директор и Фердинанд принялись осматривать выставку.

На главной аллее к каждому дереву привязана была собака с крупным номером на ошейнике. Под этим номером

собака была внесена в каталог выставки. Кто интересовался тем, что это за собака, как её зовут, кем были её мама и папа, откуда она родом, сколько ей лет, добрая она или злая, – тот заглядывал в каталог и находил всё, что ему нужно. Рядом с собакой на складном стульчике сидел хозяин или кто-нибудь из его семьи, сменяя хозяина, когда тот, утомясь продолжительным дежурством, отправлялся в ближайший киоск выпить газированной воды с малиновым сиропом. Впрочем, некоторые пили с лимонным, некоторые с апельсиновым. Были и такие, которые требовали вишнёвого сиропа, не говоря уже о таких чудаках, которые глотали воду без сиропа.

Разве это так важно, кто что пьёт? Ещё бы! Если вы задумаетесь над этим, то вам станет ясно, почему на свете такое количество разных собачьих пород. Один любит воду с вишнёвым сиропом, другой – с малиновым, третий – с апельсиновым, четвёртый – с лимонным, а пятому подавай воду без сиропа. Так же и с собаками. Один любит овчарок, другой – легавых, третий – боксёров, четвёртый – доберманов, пятый – терьеров и так далее, и так далее... Кажется, вы уже всё поняли...

– Я думаю, лучше всего начать с номера первого, – сказал вице-председатель, которого председатель шёпотом попросил провести гостей по выставке.

– Разумеется! – воскликнул Фердинанд. – Мы будем смотреть всё по порядку.

И они очутились перед огромным бульдогом, у которого на ошейнике красовался первый номер.

– Замечательный экземпляр, – сказал вице-председатель. – Собака по кличке Бас. У неё очень низкий голос. Пёс страшно злой. Подходить не советую.

– Очень милая собачка, – сказал Фердинанд и направился к бульдогу, желая его погладить.

– Назад! – крикнул в один голос весь выставочный комитет. – Бас укусит вас.

– Пусть попробует. Вы думаете, я дамся? – тряхнув головой, ответил Фердинанд.

– Вы не очень-то, Фердинанд, – заметил директор.

– Обо мне не беспокойтесь, я знаю, что делаю.

Лежавший без движения бульдог весь ощетинился, поднялся и зарычал. Фердинанд был на расстоянии шага от собаки. Всё внимание бульдога сосредоточилось на Фердинанде: оскалив зубы, он угрожающе рычал.

На губах у Фердинанда блуждала насмешливая улыбка, и вдруг он тоже зарычал. Со стороны могло показаться, что Фердинанд произносит обыкновенное «ррр!». Но, если вслушаться повнимательней, можно было понять, что происходит весьма интересный разговор.

– Рррнеррррва-ррррляй ррррдуду-ррррака! – сказал Фердинанд.

– Рррчто ррррты рррриз рррсе-ррррбя ррррво-рррро-рррр-бра-рррр-жа-рррраешь! – ответил бульдог.

– Рррцыц, ррррма-ррррляв-ррррка! – ответил ему с достоинством Фердинанд.

– Ррррох ррря ррррте-ррррбя ррррцап-ррррну! – пригрозил бульдог.

– Рррсмо-ррртри, рррчтоб рррря ррррте-ррррбя ррр-не рррр-цап-ррррнул! – ответил на это Фердинанд и так, чтоб никто не заметил, показал бульдогу свои великолепные зубы.

Оторопевший бульдог осёкся. И уже зарычал тише.

– Рррне ррррна рррчто рррро-ррррби-рррржать-ррррся... – сказал он, кисло улыбаясь.

– Рррлю-рррблю рррве-ррржли-рррвость! – ответил в тон ему Фердинанд. – Рррдай рррла-рррпу!

Пока шёл этот разговор, вокруг собралась толпа посетителей, и все с удивлением увидели, как злющий бульдог подаёт Фердинанду лапу. Глянув на это, председатель стал заикаться ещё больше. Он говорил очень долго, а сказал всего одно слово:

– Ннннннннееееееееввввввввееееееерррррррро-
оооооооояяяяяяяятттттттттнннннннно!

ХІ

Потом все отправились дальше, переходя от одной собаки к другой. Каждую собаку долго и внимательно разглядывали, стараясь понять все её достоинства и недостатки. Завидев Фердинанда, псы приходили в раж – махали хвостом со скоростью двух тысяч взмахов в минуту. А те, у кого хвосты в детстве отрубили, испускали вздох отчаяния: «Ах, если бы у меня был хвост, вот бы я повилял!»

Фердинанд был необычайно сдержан и говорил очень мало.

Время от времени из его уст вылетало короткое, меткое замечание:

- Очень хорош. Очень хорош.
- Этот тоже весьма недурён.
- Эй, пинчер, не горбиться!
- Левое ухо выше!
- Хотел бы я быть хозяином этой легавой. Осенью мы бы вместе ходили на уток.
- Собака – это великолепно, не правда ли?
- Ты нравишься мне, малыш.
- Помни: костями объедаться нельзя.
- Как дела, фокстерьер?

– Знаете ли вы, что маленькие собаки едят гораздо меньше больших? Забавно, а?

– Привет, пудель! Если ещё встретимся – вот устроим возню...

– До чего же ты хороша, боксёрочка.

– Я считаю, блох надо истреблять всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

– Не лови хвост, болоночка, всё равно не поймашь.

– Если бы я вёл другой образ жизни, я держал бы дома собаку, кто знает, может, и двух.

– Волк, не смотри на меня волком, можно подумать, что у тебя глаза косые.

– До чего ж хороша эта китайская болонка!

– Не чешись при людях!

– Не жила ли твоя мать когда-то в Белостоке?

– Bravo! Bravo!

— Хотел бы я быть овчаркой и пасти в горах стада. Вот жизнь!

— Не кажется ли вам, что слишком мало собак знает грамоту?

— Я был знаком с одним сенбернаром, который весил ровно семьдесят восемь болонок.

— Ну-ка, вытяни лапу. Ой, кажется, ты ленишься делать по утрам зарядку, а?

— Дай я тебя поцелую, прекрасная доберманка.

— Если б у людей был острее нюх, собакам жилось бы куда лучше.

— Хвост, хвост, мой друг!

— На псарне у французского короля Людовика XII была такая борзая, которая могла гнать одновременно двух зайцев, убежавших в разные стороны.

— Привет, такса!

- Умная собака не таякает про запас, помни это.
- Серый спаниель, ты неотразим.
- Хо-хо-хо!
- Один лучше другого!
- Современная собака не должна бояться самолёта: самолёт не кусается.

И так далее, и так далее...

Сопровождающие Фердинанда члены комитета только рты открывали от изумления. Впервые им пришлось иметь дело с человеком, который знает о собаках абсолютно всё, знает больше, чем они все, вместе взятые.

- Н-н-н-не-в-в-в-вероят-т-тно! – не удержался председатель.
- Может быть, назначить его главным судьёй выставки? – предложил шёпотом вице-председатель.

– Ох, разбирается! Ох, разбирается! – поддакнул скороговоркой казначей.

– П-п-п-предложите ему, п-п-п-пожалуйста, – попросил вполголоса председатель секретаря.

Секретарь подошёл к Фердинанду и сказал:

– От имени комитета мы просим вас дать своё согласие быть главным судьёй на выставке. Через часок мы устроим конкурс на самую красивую собаку. Нам будет очень приятно, если это дело возьмёт в свои руки такой замечательный специалист, как вы.

Фердинанд скромно потупился.

– Что вы, какой я специалист... просто любитель, вот и всё. Дело в том, что я с малых лет люблю собак, мне приходилось часто иметь с ними дело. Не знаю, достоин ли я...

– Трудно представить себе более достойного! – воскликнул секретарь.

– Трудно! – подтвердил вице-председатель.

— Трудно! — поддакнул казначей.

— Т-т-т-трудно! — крикнул после всех председатель, который, впрочем, открыл рот первым.

— Ну что же, не остаётся ничего другого, как принять ваше предложение, — сказал Фердинанд. — Я согласен.

— Bravo! Bravo! Bravo! — закричали наперебой члены комитета.

Когда начался конкурс, Фердинанда усадили на почётное место в специальную ложу. Перед ложей проходили хозяева, ведя на нарядных поводках своих питомцев. Это было одно из самых потрясающих зрелищ, виданных когда-либо Фердинандом. Неподалёку от ложи гремел оркестр пожарников. То и дело рукоплескала толпа, приветствуя красивых животных.

«Кому присудить первый приз? — Пока Фердинанд смотрел на собачий парад, эта мысль не давала ему покоя. — Не знаю, как выйти из положения. Мне по сердцу все. Я с удовольствием присудил бы первый приз каждой. К сожалению, первый приз только один. Он может достаться только одной собаке. Ужасно! Здесь на этой выставке есть один экспонат, который, безусловно, заслуживает первого приза. Боюсь, никому не придёт в голову, кто это такой. Не могу же я сам предложить свою собственную кандидатуру...»

Фердинанд зажмурился и отдался мечтам. Вот жюри присуждает ему первый приз на выставке расовых собак. Оркестр играет марш под названием «Весёлый пёс». Вот председатель приближается к Фердинанду, подаёт ему руку и говорит: «По-

здравляю тебя, Фердинанд», — и привязывает к его ошейнику высшую награду — жёлтую ленточку.

— Хоть бы раз испытать такое! — вздыхает Фердинанд. — Один-единственный раз...

— Эй, Фердинанд, Фердинанд! — слышит он вдруг над самым ухом шёпот и чувствует, что кто-то толкает его в бок. — Не спите, — шепчет ему директор. — Неудобно. Что подумают про вас?

— Я не сплю, — отвечает Фердинанд и открывает глаза. — Я вовсе не сплю. Вот только замечтался на секунду...

— Приятные мечты?

— Такие приятные, что не можете себе представить...

Собачий парад окончился, жюри удалилось на совещание. Председательствовал Фердинанд.

— Друзья мои, — сказал он, открывая совещание. — Мы видели только что великолепный парад великолепнейших собак. Нам не просто прийти к решению. Что касается меня, то скажу положа руку на сердце: я не в состоянии назвать имя той собаки, которая мне больше всего понравилась. Таких собак очень много. Чтоб никого не обидеть, я предлагаю устроить тайное голосование.

Всё жюри было того же мнения. Со всех сторон посыпались возгласы:

— Он прав!

— Верно говорит!

— Единственный выход!

— Голосовать! Голосовать!

— Браво, главный судья!

— Спасибо, — сказал Фердинанд, когда шум утих. — Называйте кандидатуры.

— Агава! — крикнул кто-то раньше всех.

– Карампук! – крикнул кто-то другой.
– Зефир!
– Ас!
– Мика!
– Магик!
– Донна!
– Вис!
– Мерседес!
– Дракон!
– Кука!
– Достаточно, – сказал Фердинанд. – Десяти кандидатур вполне хватит. При голосовании будет соблюдаться полнейшая тайна.

Члены комитета разбрелись по закоулкам парка и, таясь друг от друга, вписывали имена своих избранников в приготовленные заранее бюллетени.

Победил Магик, которого звали также Магом. Когда Фердинанд подошёл к нему и поздравил его с победой, на глазах у Мага выступили слёзы. Огромный волкодав расплакался, словно маленький ребёнок, – такого не помнили даже самые старые собаки.

– Поздравляю тебя от всего сердца, – сказал Фердинанд. – Дай лапу.

Маг сел, приподнял левую лапу. Но, когда Фердинанд незаметно подмигнул ему правым глазом, он торопливо опустил её и с решительным видом протянул правую.

– Замечательно! – похвалил Мага Фердинанд. – Вижу, ты мыслящий пёс. От имени жюри вручаю тебе первый приз. Кроме медали получишь два килограмма копчёных рёбер. Съешь сейчас или завернуть?

– Мне хотелось бы взять их домой, – ответил Маг. Говорил он на таком языке, что понять его мог только Фердинанд. –

Дома я съем их вместе с женой. Она не смогла прийти на выставку — у неё насморк.

— Я уверен, рёбрышки придутся ей по вкусу, — ответил на том же языке Фердинанд, хорошо знавший все собачьи языки. — Желаю приятного аппетита. До свиданья! Передай привет жене.

Перед закрытием организовали ещё один конкурс. Теперь собакам предстояло выбрать самого симпатичного посетителя. Некоторые знали об этом и старались заранее завоевать сердца собак.

Многие посетители шныряли взад и вперед по парку и, перебегая от собаки к собаке, подсовывали кому конфетку, кому сосиску, кому пряник, и всё только для того, чтобы снискать расположение собак. Некоторые потратились даже на свиные отбивные.

По знаку председателя все собаки были спущены с поводка. Победителем решили признать того, кто соберёт вокруг себя наибольшее число собак.

Ффффффффффьььььььюююююююю! — прозвучал свисток председателя.

Все до единой собаки бросились в одну сторону. Они сгруппировались под каштаном, где сидел на стуле утомлённый волнением дня Фердинанд.

XII

Под приветственные возгласы Фердинанду вручили большую золотую медаль. Председатель собственноручно приколот её к лацкану пиджака. Вид у председателя был при этом необычайно торжественный, и заикался он больше обычного.

— М-ммм-ы оч-чччччч-чень ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра...

— ...ды! — dokonчила за него толпа.

— Ч-ч-ч-ч-ч-то эт-т-т-т-т-то имен-н-н-н-н-но в-в-в-в-в...

— ...вы! — воскликнули разом зрители.

— Д-д-д-д-д-да зд-д-д-д-д-драв-в-в-в-в-в-в-в...

— ...ствует! — гаркнули собравшиеся.

— В-в-в-в-вот им-м-м-м-м-мен-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н...

— ...но! — крикнули, расхохотавшись, все зрители и принялись снова приветствовать медалиста.

В этот день в честь Фердинанда было произведено 3128 торжественных криков, в том числе:

1265 «Ура!»,

828 «Да здравствует!»,

654 «Виват!»,

129 «Привет!»,

55 «Многие лета!»,

49 «Браво!»
и 48 «Гоп-гоп!».

Остальные сто разобрать не удалось, но ни у кого не было сомнений, что все они выражали живейшую радость и глубочайшее уважение.

Парк понемногу опустел.

Директор подошёл к сияющему Фердинанду, ещё раз поздравил его и, потянув за рукав, вежливо сказал:

- Может, пойдём...
- Как тут хорошо... – ответил разомлевший Фердинанд.
- Слов нет, хорошо. Но пора и в гостиницу. Не забывайте, ведь я директор.
- Верно, верно, – согласился Фердинанд.
- Ну так пошли, – сказал директор.
- Минутку, – сказал Фердинанд, – а лифт?
- Совсем забыл!
- Нам придётся взять его с собой. Не можем же мы его тут бросить.
- Взять... Но как?
- Может, там есть ещё одна кнопка, которой мы не заметили? Нажмёшь её – и кабина вернётся на место.
- Ах эти кнопки! И слышать о них не хочу! – рассердился директор.
- Что же делать? Ведь нельзя бросить такую вещь на произвол судьбы.
- Не кажется ли вам, что она не стоит ваших забот? – спросил директор, с улыбкой покосившись на Фердинанда.
- Скажу вам откровенно, – не уступал Фердинанд, – я привязался к этой кабине. Она вовлекла нас в такие приключения!..
- Не представляю, что с ней делать.
- Может, погрузим в такси?

– Не войдёт.
– Придумал! – воскликнул Фердинанд. – Поставим её на извозчи-
чью пролётку.
– Как хотите, – ответил дирек-
тор.
– Поедем с кабиной на извозчи-
ке! – крикнул, подпрыгивая от радо-
сти, Фердинанд.

– Поедем, но не все, – холодно отозвался директор.
– То есть как «не все»? – опешил Фердинанд.
– Я лично не поеду, – заявил директор. – Не желаю быть посмешищем.
– Чего тут особенного – везти кабину в пролётке?
– Не в том дело, – отрезал директор. – Особенного тут ни-
чего нет, но это несолидно. Солидный человек не может себя
вести несолидно. Вы меня понимаете, Фердинанд?
– Понимаю, но не очень, – признался Фердинанд. – Вы бои-
тесь, что над вами станут смеяться...
– Что значит «бойтесь»? Я просто уверен в этом. Завтра,
стоит мне только высунуть нос на улицу, все мальчишки в го-
роде станут орать:

*Кобыла кабину тащит,
Директор глаза таращит.*

– Чудный стишок! – не удержался Фердинанд. – Ах, какой
чудный! Я готов дать что угодно, только б меня подразнили
так на улице...
– Вы считаете это забавным?

– Дорогой мой, это прелестно! Если хотите, можете не ехать, я поеду один.

– Я бы, пожалуй, с вами поехал, – начал оправдываться директор, – но доктор велит мне ходить как можно больше пешком. Мне, знаете ли, нужно двигаться. А сегодня я уже прокатался полдня в этой проклятой кабине. Вы на меня не будете в обиде, дорогой Фердинанд, если я с вами не поеду, не правда ли?

– Конечно, не буду, – ответил Фердинанд, – ведь вы знаете, как я к вам отношусь. Только скажите правду, – и тут голос у Фердинанда дрогнул, – они в самом деле станут так кричать?

– Да, это бывает: если уж прицепятся, так не отстанут.

– А что сделать, чтобы прицепились?

– Надо броситься им в глаза.

– А как броситься в глаза?

– Надо чем-то привлечь их внимание.

– А как привлечь внимание?

– Надо сказать им что-нибудь обидное или...

– Или?

– Или рассмешить их своим нелепым видом.

– Как вы считаете, вид у меня нелепый?

– По-моему, нет.

– А как им покажется? – спросил срывающимся голосом Фердинанд.

– Мне трудно говорить за них, – сказал директор, помедлив. – Но, мне думается, у вас есть некоторые шансы, в особенности если вы поедете в пролётке, да ещё с кабиной... Ха-ха-ха, это действительно будет смешно...

– Большое вам спасибо! – перебил директора Фердинанд и стал трясти ему руку. – Спасибо, что вы смеётесь. Теперь не сомневаюсь: они тоже будут смеяться.

– Очень может быть, ха-ха-ха...

— Мне удастся обратить на себя их внимание.
— Не исключено, ха-ха-ха!
— Я брошусь им в глаза.
— Весьма вероятно, ха-ха-ха!
— И они ко мне прицепятся...
— От души вам этого желаю, раз вам так хочется, ха-ха-ха!
— А если уж не прицепятся, так побегут следом и будут кричать:

*Кобыла кабину тащит,
Глаза Фердинанд таращит!*

— Да, и тогда уж будут кричать, ха-ха-ха!

— Вы не представляете себе, как мне хочется, чтобы они так кричали!

— Ха-ха-ха-ха-ха! — смеялся директор. — Желаю успеха. Наймите пролётку, а я тем временем прогуляюсь. Мы встретимся в гостинице. До свиданья! Мерседес, ко мне! — позвал директор свою любимую таксу. — Не огорчайся, что тебе не удалось получить приз, — сказал он таксе, — тебе повезёт на следующей выставке.

Директор и Мерседес исчезли уже за деревьями, и тут только Фердинанд вспомнил, что у него нет ни гроша.

– Пан директор, пан директор! – завопил что было мочи Фердинанд и в несколько прыжков нагнал директора. – Дайте мне денег на извозчика. У меня есть, правда, золотая медаль, но у него может не оказаться мелких медалек, чтобы дать мне сдачи...

ХІІІ

Фердинанд отправился искать пролётку.

Это оказалось делом нелёгким. С каждым годом пролёток на свете становится всё меньше и меньше. Они прячутся в старых, обветшалых сараях, и, видимо, недалёк тот день, когда им не захочется больше выезжать в город. Всё неуютней чувствуют они себя среди автобусов, машин и мотоциклов. «Куда спешить?» – ворчат себе под нос пролётки в такт размеренному стуку конских копыт – цок-цок-цок-цок-цок...

К счастью, около парка стояла одинокая пролётка.

Извозчик безмятежно храпел на кóзлах, надвинув на глаза чёрный цилиндр, а лошадь, спрятав морду в мешок, неторопливо ела овёс.

– Послушайте-ка, – сказал Фердинанд.

Извозчик даже не шелохнулся.

– Послушайте... – сказал Фердинанд громче.

Извозчик как ни в чём не бывало продолжал храпеть.

– Послушайте! – крикнул Фердинанд.

Извозчик и тут не проснулся.

И только когда Фердинанд влез на кóзлы и заорал в самое ухо: «Послушайте!» – извозчик открыл сперва один глаз, по-

том другой, потом сдвинул на затылок цилиндр, взглянул на Фердинанда и спросил хриплым голосом:

– Чего?

– Вы меня повезёте? – спросил Фердинанд.

– Почему ж не повезти? – ответил извозчик. – Вот только сниму с лошади эту штуку и поедем. Садитесь.

Извозчик слез с козел, протёр глаза, снял с лошадиной морды мешок и взнуздал её.

– Ехать-то куда? – спросил он, вскарабкавшись на козлы и беря в руки кнут.

– В парк, – ответил Фердинанд. – Надо взять там одну вещь.

– Наверно, вашу мамашу, – сказал, не повернув головы, извозчик. – Но, па-ашёл!

Пролётка тронулась.

– Не угадали, – ответил с улыбкой Фердинанд. – Мы поедем не за мамой.

– Ну так за бабушкой...

– И не за бабушкой.

– Ну так за тёткой...

– И не за тёткой.

– Ну за чемоданом или за сундуком...

– И не за чемоданом, и не за сундуком.

– Может, за бочкой пива? – спросил извозчик, и глаза у него загорелись, потому что он очень любил пиво.

– И не за бочкой пива.

– Знаете, это уже интересно, – сказал извозчик. – Что вы собираетесь вывезти из парка? Розы?

– Нет, не розы.

– Может, скамейку?

– Нет, не скамейку.

– Не отгадать, – прохрипел извозчик.

- Я помогу вам, – сказал Фердинанд, – это начинается на «к».
- Куст?
- Нет.
- Карусель?
- Нет. Карусель к вам в пролётку не поместится. Там есть ещё «б» и «а».
- Клумба? – спросил с победоносным видом извозчик.
- Нужно забрать кабину от лифта. Вы не знаете, что такое лифт? Это такой ящик, который ходит вверх и вниз между этажами.
- Да нет, – сказал извозчик, – я знаю, что такое лифт. Только зачем брать его в пролётку?
- Это маленькая кабина, – сказал Фердинанд. – Всего на двоих... Самое большее – на троих... Мы погрузим её сзади, а я сяду рядом с вами.
- Да где она?
- В парке, я привязал её к дереву.
- Привязали?
- Чтоб не улетела.
- Она что же, летает?
- Ещё как!
- Вот тебе нá! Просто не верится. Но-о!
- Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...
- Они подъехали к дереву, к которому была привязана кабина. Фердинанд спрыгнул с пролётки, потрепал кабину по сверкающему боку и распутал шнурок.
- Помогите-ка мне, – крикнул он извозчику.
- Шумно дыша и постанывая от натуги, они уместили кабину на заднее сиденье.
- Только, пожалуйста, без глупостей, – сказал Фердинанд кабине. – Не вздумай улетать. Мы возвращаемся домой.

Но кабина и не собиралась улетать. Она была очень довольна, что возвращается в гостиницу, да вдобавок, словно важная барыня, прокатится ещё в пролётке по всему городу.

Фердинанд уместился на козлах рядом с извозчиком.

— Дайте мне вожжи, ну хотя бы кнут... — попросил он умоляющим голосом.

— Берите и правьте, — сказал извозчик.

Фердинанд взял вожжи, махнул кнутом и крикнул:

— Лошадка, но-о!

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Когда въехали в город, Фердинанд отдал вожжи извозчику, а сам, крутясь на сиденье, принялся озираться по сторонам.

— Кого вы ищете? — спросил извозчик.

— Смотрю, нет ли где мальчишек-озорников.

— Боитесь?

— Ничего подобного. Хочу выяснить, не собираются ли они меня дразнить.

— Раз не дразнят, значит, всё в порядке.

— Не очень-то, — с досадой возразил Фердинанд. — Мне как раз хочется, чтоб они меня дразнили. Понимаете?

— Тогда надо, чтоб они к вам прицепились. Видите? Вон там за углом стоит парочка.

— Умоляю, — сказал Фердинанд, — подъедем ближе.

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Пролётка проехала под самым носом у мальчишек, но те даже головы не повернули.

— Остановитесь, пожалуйста, — попросил Фердинанд. Он был близок к отчаянию.

Фердинанд соскочил с пролётки, подбежал к озорникам и спросил:

— Почему вы меня не дразните?

— Неохота, — ответил один из них.

— Может, всё-таки передумаете? — грозно спросил Фердинанд и оскалил зубы.

Мальчишкам стало не по себе.

— Как прикажете вас дразнить? — вежливо спросил другой мальчишка.

— Хотелось бы, чтоб вы кричали мне вслед:

*Кобыла кабину тащит,
Глаза Фердинанд таращит.*

— Стишок ничего, — сказали мальчишки. — Мы можем... Почему бы нет? А когда начинать?

— Сейчас. Живо! Бегите следом и кричите во всё горло. Не будете кричать — пеняйте на себя: так покусая, что долго меня не забудете.

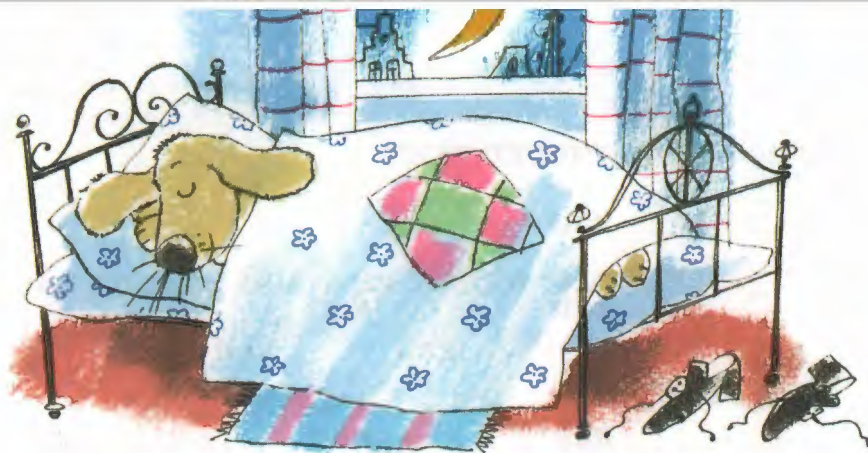
И Фердинанд вскочил на козлы. Пролётка тронулась с места. Цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Люди распахивали окна, выбегали на балконы, останавливались на тротуарах и с изумлением смотрели вслед пролётке, на которой везли кабину от лифта. Спереди на козлах сидели блаженно улыбающийся Фердинанд и извозчик, время от времени равнодушно щёлкавший кнутом.

За пролёткой бежала толпа сорванцов, оравших во всё горло:

*Кобыла кабину тащит,
Глаза Фердинанд таращит.*

XIV

Так доехали они до гостиницы «Под весёлым драконом». Стоило кабине увидеть знакомый дом, как она спрыгнула с пролётки и очутилась на своём месте, внизу под лестницей. Жизнь в гостинице сразу закипела. Все страшно обрадовались – и портье и горничные, но больше всего были довольны приезжие, которых поселили в верхних этажах. Что и говорить: гостиница без лифта – всё равно что стол без ножек, хлеб без масла, чай без сахара, ваза без цветов, пианино без клавиш, газированная вода без газа.

Фердинанд принял ванну и немедленно отправился в постель. Он был так утомлён дневными приключениями, что мгновенно заснул. На улице тем временем пошёл дождь.

В первый день на землю падали только редкие капли, которые по временам ветер смахивал с пробегающей тучки.

Выглядело это примерно так:

кап
кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап

На другой день ветер пригнал ещё несколько туч, и дождь пошёл сильнее:

кап кап кап кап кап
кап кап кап кап кап
кап кап кап кап кап
кап кап кап кап кап
кап кап кап кап кап

На третий день ветер подул слева:

кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап

На четвёртый день ветер переменился и подул справа:

кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап

На пятый день Фердинанд перевернулся на другой бок.

Дождь лил во всю. Большие капли попеременно с маленькими барабанили по крыше:

кап	КАП	кап	КАП
	КАП	кап	КАП
кап	КАП	кап	КАП
	КАП	кап	КАП
кап	КАП	кап	КАП
	КАП	кап	КАП
кап	КАП	кап	КАП
	КАП	кап	КАП

А на шестой день туча обрушила весь запас воды на землю.
Хлестал ливень.

КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП

Мы знаем, что во время дождя сон бывает самым крепким. Ни одна колыбельная песня не убаюкивает так, как монотонный шум дождя. Фердинанд проспал бы, наверно, ещё очень долго, может, неделю, две, а может, даже и три, если б не по-

явилась мохнатая серая туча, из
которой посыпался град:

бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум

БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ

Фердинанда разбудил сильный
стук в окно.

– Кто там? – спросил он сонным голосом.

Ответа не последовало.

– Кто смеет будить меня, когда я сладко сплю?! – в неистовстве завопил Фердинанд.

И опять нет ответа. Только кто-то продолжал барабанить по стеклу.

Фердинанд протёр глаза, посмотрел в окно и понял, что его разбудил град.

– Ничего не поделаешь, – зевая, сказал Фердинанд, – придётся вставать.

Он нажал на звонок. В номере появилась горничная.

– Добрый день, – сказала она, – как вам спалось?

– Прекрасно, – ответил Фердинанд.

– В нашей гостинице никто ещё так долго не спал.

– Что вы говорите? Значит, я поставил рекорд гостиницы?

– Один скрипач после концерта проспал двое суток.

– Вот так соня!

– Но уж не такой, как вы.

– Не такой, как я? – удивился Фердинанд.

– Конечно. Вы проспали целую неделю!

– Что?!

– Да-да, ровно неделю.

– Быть не может!

– Очень даже может. Поздравляю, за вами рекорд.

– Ну что ж, тогда принесите мне завтрак, – сказал Фердинанд. – За все семь дней!

Горничная схватилась за голову и выбежала из номера. Прежде чем она появилась снова, Фердинанд успел умыться и одеться.

– Вот вам четырнадцать яиц всмятку, двадцать одна булочка, семь стаканов молока, семь чашек чаю, кусок масла и банка с джемом, – сказала она. – А вот счёт.

– Какой счёт? – спросил встревоженный Фердинанд.

– Счёт за номер и завтрак, – объяснила горничная.

– Положите его, пожалуйста, вот сюда, я займусь им позже, – сказал Фердинанд таким тоном, точно карманы у него были набиты деньгами.

– Приятного аппетита, – сказала горничная и вышла.

Фердинанд принялся за еду.

«Сперва надо поесть, – подумал он, – а потом мы решим, как быть со счётом...»

Вы можете мне не поверить, но, клянусь, это правда: Фердинанд съел всё до последнего кусочка.

– Ну-ка посмотрим, что за счёт, – рассуждал сам с собой Фердинанд, вылизывая банку с джемом. – Что?! Семьсот двадцать шесть злотых восемьдесят грошей?! И это требуют с меня?! С меня?! Друга директора?! Рекордсмена гостиницы «Под весёлым драконом»? Да ведь у меня нет ни гроша!

Он подошёл к окну, распахнул его, глянул вниз.

– Высоко! Бр-рр! Что делать?

Град прекратился. Фердинанд мгновенно принял решение: скинул с себя костюм и остался в чём мать родила. Всю одежду он связал в узелок, выбросил в окно и проследил за его полётом.

Прекрасно! Узелок упал на газончик на другой стороне улицы, как раз напротив гостиницы.

Фердинанд зажмурился, потом открыл глаза и, в последний раз окинув взглядом свой номер, на четвереньках выбежал в коридор. Спустился по лестнице в холл.

Для очистки совести он подбежал к стойке, за которой восседал портье, и, встав на задние лапы, забормотал:

– Разрешите узнать, разрешите узнать...

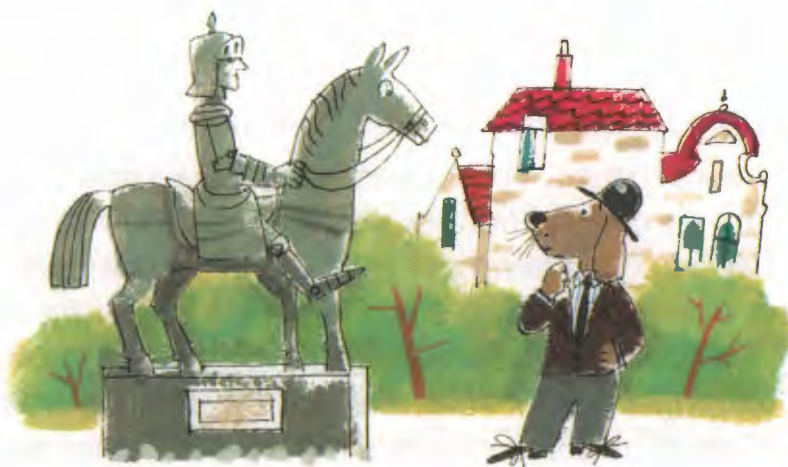
Возмущённый портье вскочил со стула.

– Пшёл вон! – крикнул он. – Живо!..

– Не хотите, не надо, – гордо ответил Фердинанд и устремился к выходу. – Собираешься всё уладить, – пробормотал он уже на улице, – тебе возражают. Навязываться не стану.

Он разыскал на газоне между астрами узелок и с узелком в зубах забежал в безлюдный двор по соседству. Немного погодя из ворот вышел мужчина и смешался с толпой.

XV

Как это часто бывает, после ненастья установилась хорошая погода. Шагая по улице, Фердинанд весело насвистывал:

– Фью-фью, какой чудесный день, фью-фью-фью... Солнышко пригревает, фью-фью... Все такие весёлые, фью-фью-фью... И я тоже весёлый, фью-фью-фью... Что же мне теперь делать, фью-фью-фью? Стоит ли думать о таких пустяках? Чувствую я себя прекрасно, фью-фью... Что будет потом – увидим, фью-фью... Стоит ли, впрочем, волноваться? Фью, фьюююююююююююю!

Но в большом городе без дела не останешься.

Фердинанд, сам того не заметив, стал осматривать его достопримечательности. Сначала он зашёл в один музей, потом в другой, в третий, потом постоял перед четвёртым, но заходить не стал, потому что надоело.

Тогда он занялся памятниками. Он осмотрел их по очереди:
памятник бургомистру,
памятник генералу,
памятник музыканту,
памятник поэту,
памятник королю,

памятник королеве

и другие памятники, среди которых было два конных.

«Почему так много лошадей на памятниках? – подумал Фердинанд. – Где же справедливость? Почему ни одному скульптору до сих пор не пришло в голову посадить короля верхом на собаку? Думаю, что это выглядело бы не хуже. Собака – животное благородное, собака преданней, чем лошадь. Кто когда видел, чтоб лошадь спала в одной постели с человеком? А собака спит. Мне известно множество таких случаев. А вот про лошадь я никогда ничего подобного не слышал. И мой отец не слышал, и мой дед, и мой прадед, никто, никто не слышал».

Когда Фердинанд осмотрел все памятники, его внимание привлекли уличные весы, на которых взвешивались прохожие. Захватывающее зрелище! Они становились на небольшую платформу. Стрелка на шкале стремительно неслась вперёд. И замирала против какой-нибудь цифры. Эта цифра обозначала вес.

Фердинанду страшно захотелось взвеситься. Он забрался на весы после какой-то полной дамы. Подождал – ничего. Подпрыгнул – опять ничего. Поднял вверх одну ногу – ничего. Поднял другую – ничего. Встал боком – ничего. Стрелка даже не дрогнула.

Тогда он сошёл с весов и попробовал ещё раз.

«Может, я неправильно встал на весы, – подумал он, – может, надо становиться с левой ноги, а не с правой?»

Увы, левая нога не помогла тоже. Разволновавшись, Фердинанд стал подпрыгивать всё выше и выше. Но упрямая стрелка не хотела ни за что сдвинуться с места.

Вокруг собралась толпа.

– Опять, наверно, испортились, – сказал мужчина в зелёном пиджаке, – они всё время портятся.

– Вы станьте подальше от края, – добродушно посоветовала пожилая женщина.

– Зачем становиться подальше от края? – зашепелявил продавец мороженого. – Это не помозет, нужно встать ближе к краю. Это каздый мальциска знает...

– Лучше всего подпрыгнуть три раза, – сказал кто-то басом.

– Почему не четыре? – пропищала женщина с зонтиком.

– Да стоит ли взвешиваться? – обратился к Фердинанду мужчина в чёрной шляпе. – Всё равно свой вес не узнаете. Здесь все весы показывают по-разному.

Фердинанд совсем растерялся. Каждый советовал своё. В конце концов послышался чей-то голос:

— А пятьдесят грошей вы бросили?

— Какие ещё пятьдесят грошей? — спросил изумлённый Фердинанд.

— То есть как «какие»? Обыкновенные, польские.

— А куда их бросать? — спросил, заикаясь от смущения, Фердинанд.

— Сюда, вот в эту щёлку.

— Не бросил, — чистосердечно признался Фердинанд.

— У него, наверно, нет мелочи... — сочувственно загалдели вокруг. — Вам нужно пойти и разменять.

— Действительно, — сказал Фердинанд, — совсем из головы вон... Ведь у меня нет мелочи. («Крупных, впрочем, тоже», — добавил он про себя.) Простите, пожалуйста. Позвольте, пожалуйста, пройти, я сейчас разменяю.

С проворством, которого от него, очевидно, не ожидали, Фердинанд спрыгнул с весов и прошмыгнул сквозь толпу. Он был уже на другом конце города, а зеваки всё ещё стояли вокруг весов и, удивляясь, говорили друг другу: «Чего он так долго копается? Куда это он пропал?..»

А Фердинанд шёл по улице, насвистывал и думал: «Фью-фью, теперь я знаю, как обращаться с этими весами. Надо только, чтоб у тебя было пятьдесят грошей, фью-фью-фью... Странно всё-таки... Есть у меня золотая медаль, а вот пятидесяти грошей нету... Забавно...»

Вдруг Фердинанд заметил что-то на тротуаре. Что-то блестящее. Он нагнулся, точным, едва уловимым движением поднял сверкающий предмет.

«Фью-фью, интересно, что это такое?» — подумал Фердинанд, как ни в чём не бывало продолжая свой путь.

Глянул – и чуть не сошёл с ума от радости. Это были пятьдесят грошей.

Фердинанд тотчас помчался к ближайшим весам, встал на них, бросил в щёлку свою единственную, чудом найденную монетку и с наслаждением, которое невозможно передать словами, стал наблюдать за стрелкой, понёсшейся вперёд по делениям.

– Приличный вес, – буркнул Фердинанд, не без сожаления покидая весы. – Не назовёшь меня заморышем, да и не скажешь, что толстяк. Вешу ровно столько, сколько надо. Интересно, фью-фью-фью, как это получится на других весах? Не мешало бы, фью-фью, проверить. Оказывается, люди теряют деньги. Попробуем-ка мы их, фью-фью-фью, отыскивать.

И, устремив глаза к земле, Фердинанд принялся кружить по улицам города. С каждым шагом он пригибался всё ниже и ниже и сам того не заметил, как побежал на четвереньках, припадая мордой к земле.

Стоило ему найти пятьдесят грошей, как он мчался опрометью к весам, бросал в отверстие монету и с замиранием следил за стрелкой. В зависимости от того, что показывала стрелка, слышался его огорчённый или торжествующий крик:

– Похудел!!!

Или:

– Пополнел!!!

XVI

Перебегая так от весов к весам, Фердинанд добрался до вокзала. На вокзале, как всюду на вокзалах, была суматоха и суетолока. Все куда-то спешили. Носильщики таскали чемоданы, в кассе продавали билеты, в киосках можно было купить газету, а в буфете – напиться лимонаду. При входе на перрон стояли контролёры и специальными щипчиками пробивали дырки на билетах. Фердинанду это очень понравилось.

«Вот бы достать такие щипчики! – подумал он. – Наверно, это очень приятно – дежурить и пробивать дырки на билетах. Пробивать, пробивать...»

Потом Фердинанд постоял перед камерой хранения. Наблюдал, как приезжие сдают багаж, чтоб не таскаться с ним по городу. На чемодан наклеивают ярлык с номером; пассажиру выдают квитанцию, удостоверяющую, что он сдал багаж; чемодан ставят на полку, где он спокойно дожидается возвращения хозяина.

Фердинанд почувствовал вдруг, что он очень устал, и в голове у него зародилась идея.

– Может быть, сдать самого себя в камеру хранения? – стал размышлять вслух Фердинанд. – Я утомился, дел у меня ни-

каких нет. Пусть положат на полку, наклеют на бок ярлык, по крайней мере выплусь.

Фердинанд обратился к служащему:

– Мне хотелось бы сдать вам кое-что на хранение.

– Пожалуйста, – с вежливой улыбкой ответил служащий. – Где же ваш багаж? При вас ничего нет.

– Не о багаже речь, – доверительным тоном сказал Фердинанд.

– О-о! – удивился служащий. – Что же вы тогда хотите сдать?

Тут Фердинанд разлёгся во всю длину на стойке и скромно ответил:

– Себя.

Служащий сдвинул очки на лоб, затем снял их, протёр стёкла платком и вновь нацепил на нос.

– Я вас не совсем понял...

– Мне хотелось бы сдать на хранение себя лично... – пояснил Фердинанд и посмотрел долгим взглядом в глаза служащему.

– Себя?!

– Да.

– Вы шутите...

– Ничего подобного! – воскликнул Фердинанд и ударил себя лапой в грудь в знак того, что говорит сущую правду.

– К сожалению, это невозможно, – ответил служащий.

– Почему невозможно? Ведь принимаете же вы на хранение сундуки, чемоданы, корзины и прочие вещи? Неужели нельзя считать меня багажом? Я очень устал, мне хочется спать.

– Увы, – сказал служащий. – Я не могу вас принять. Мы не принимаем на хранение людей.

При этих словах Фердинанд спрыгнул со стойки.

– Дорогой мой! – воскликнул он. – Милейший! Повторите, пожалуйста, то, что вы сказали.

— Людей на хранение мы не принимаем, — равнодушно повторил служащий.

— Ещё, ещё, — умоляющим голосом просил Фердинанд.

— Мы не принимаем на хранение людей.

— Ах, как это звучит! — наслаждался Фердинанд. — Можно вас попросить повторить ещё раз?

Служащий косо взглянул на Фердинанда, как смотрят на тех, у кого неопасное помешательство. Однако собеседник показался ему человеком симпатичным, и он, желая поскорее кончить этот разговор, повторил ещё раз:

— Мы не принимаем на хранение людей.

— Чудесно! Чудесно! — твердил Фердинанд. — Повторите хотя бы последнее слово!

— Людей.

— Ещё.

— Людей.

— Ещё!

— Л ю д е й!!! — рявкнул рассерженный служащий и умолк.

Вне себя от счастья Фердинанд, пятясь, уходил. При каждом шаге он кланялся и повторял:

— Большое вам спасибо... Большое вам спасибо...

Фердинанд принялся бродить по вокзалу, примеряясь, в каком закоулке удобнее выспаться.

— Как мне быть? — рассуждал вслух Фердинанд. — Не мешало бы вздремнуть... Но где?

Вероятно, он говорил слишком громко, потому что над самым его ухом раздался вдруг противный хриплый голос:

— Если вам хочется, так сказать, выспаться, то нет ничего лучше, как забраться в вагон, который стоит, так сказать, на запасном пути.

— Кто вы такой? — спросил Фердинанд у хриплого голоса.

– Я, так сказать, добрый человек, который всегда рад оказать ближнему, так сказать, услугу. Вы не возражаете?

Добрый человек выглядел весьма подозрительно: кепка надвинута на глаза, руки засунуты в брюки. Но Фердинанд так устал, что ему было всё равно.

– Пожалуйста, – вежливо ответил он. – Я вот только не знаю, как пройти на запасной путь.

– О, это несложно. Я проведу вас.

– Вы очень любезны, – сказал Фердинанд.

– Такой уж я с малых лет. Разве можно, так сказать, не помочь человеку в затруднительном положении, а?

«И этот тоже про ч е л о в е к а», – не без самодовольства подумал Фердинанд и сказал:

– Ну разумеется, все должны помогать друг другу: мы людям, а люди нам.

– Это вы правильно, так сказать, подметили, – ответил Фердинанду хриплый голос. – Пойдёмте.

Они долго шли сперва по перрону, потом по шпалам, пока наконец не разыскали вагоны на запасном пути.

Неизвестный в кепке распахнул перед Фердинандом дверь и сказал:

– Милости просим.

– Благодарю, – ответил Фердинанд, вскакивая в купе. Следом за ним вошёл провожатый.

– Можете тут спать, так сказать, сколько угодно.

– А эти вагоны никуда не уедут?

– Вы здесь можете спать, так сказать, совершенно спокойно. Только скажите, как долго вы собираетесь спать.

– Дово-о-ольно до-о-о-олго, – ответил, зевая, Фердинанд. – Я здорово устал.

– Очень хорошо, очень хорошо, – удовлетворённо ответил хриплый голос. – Если что-нибудь, так сказать, случится, я вас разбужу. Спите спокойно. – И, хлопнув дверью, он вышел из вагона.

Фердинанд разлёгся на мягких подушках – ему повезло, он попал в вагон первого класса – и мгновенно уснул. Его усыпили голоса громкоговорителей.

– Пассажирский поезд до такого-то города отправляется со второго пути...

– Экспресс до такого-то города отправляется в девять двадцать...

– Электропоезд из такого-то города опаздывает на три минуты...

– Скорый поезд до такого-то города, посадка окончена, закрыть двери...

Тем временем в тёмном закоулке между составами тип в кепке хриплым голосом сговаривался с другим таким же типом, тоже в кепке и тоже говорившим хриплым голосом.

– Всё в порядке, – говорил первый. – Он уже дрыхнет. Я ему сказал, что спать можно сколько угодно...

– Как он выглядит? – допытывался второй.

– С виду человек состоятельный.

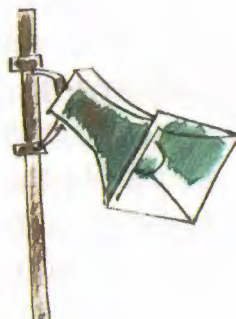
– Замечательно! – сказал второй, потирая руки. – Очень люблю состоятельных.

– Эти вагоны прицепят сейчас к поезду, – сказал первый. – Мы заберёмся в это же купе, будто знать ничего не знаем...

– И когда поезд войдёт в тоннель...

– Вот именно, когда войдёт в тоннель, мы...

Две кепки приблизились друг к другу, два хриплых голоса что-то зашептали одновременно.

XVII

Наступил вечер. Стало смеркаться. В темноте то здесь, то там вспыхивали огни.

Больше всего огней бывает на вокзале. Точно все лампочки сбежались в одно место и устроили состязание – кто кого пересветит.

Интереснее всего вечером на путях и на перронах. В темноте разноцветные огни выглядят на редкость нарядно – красные, зелёные, жёлтые, синие... Их так много на каждой станции.

В вышине, над путями, подмигивая машинистам, пылают яркие глаза семафоров. Моргнёт зелёный – можно ехать дальше, никакой опасности, путь свободен. Зато когда с вышины семафора моргнёт красный, это значит: как бы не спешил машинист, надо подождать, пока красный глаз не погаснет и вместо него вспыхнет другой глаз – дружеский, зелёный. Впрочем, красный глаз тоже по-своему красив и тоже нужен, хотя может показаться, будто он только мешает движению. Но, если бы не было красного глаза, поезда сталкивались бы друг с другом, происходили бы катастрофы...

Смотреть на разноцветные мигающие огни очень приятно; и я уверен, что Фердинанд, если бы его не сморил сон, только

бы и делал, что смотрел, смотрел, смотрел, смотрел, смотрел, смотрел и не мог бы насмотреться...

Лампочки светили, семафоры подмигивали, а тем временем вагон со спящим Фердинандом прицепили к какому-то поезду. На перроне появился дежурный помощник и, давая сигнал к отправлению, поднял вверх зелёный фонарик. Паровоз загудел, застонал от натуги, и поезд тронулся в далёкий путь. В последнюю минуту в вагон, где спал Фердинанд, вскочили на ходу две тени в надвинутых на лоб кепках.

— Этот вагон?

— Этот.

— Здесь он?

— Здесь.

— Спит?

— Спит.

— Храпит?

— Храпит.

— Один?

— Один.

— Самое главное, чтоб в это купе больше никто не сел, — сказала одна из теней хриплым голосом.

— Не беспокойся, — ответила ей другая. — Мы закроем дверь и никого больше не пустим.

— Будут стучать, — сказала первая тень.

— Ну и пусть стучат, — отозвалась вторая. — Мы прикинемся, будто спим.

— Что ж, давай ложиться. Спокойной ночи.

Один устроился в одном углу, другой — в другом. В третьем углу спал Фердинанд. Четвёртый угол купе был свободен.

Когда поезд, миновав освещённый перрон, оказался в открытом поле, стало совсем темно, только светились узкие

щёлки глаз под козырьками надвинутых на лоб кепок. Время от времени блики от проносящихся мимо фонарей озаряли на секунду купе, и тогда две пары глаз впивались в спящего Фердинанда и хриплые голоса шептались друг другу:

- Шляпа у него будь здоров...
- Смотри, какие брюки...
- Галстук тоже ничего...
- Очень мне нравится его рубашка...
- А ботинки...
- Как раз мой размер...
- Тебе они будут малы...
- Говорю тебе, в самый раз...
- Не ори, разбудишь. Ботинки будут мои...
- Ты в таких ботинках и ходить-то не умеешь...
- А вот увидишь.

Фердинанд глубоко вздохнул в своём углу и шевельнулся. Четыре щёлки мгновенно сомкнулись, и вновь наступила тишина.

Мимо одна за другой проносились станции. Приближаясь к станциям, поезд громыхал на стрелках, колёса вагонов тараторили в спешке: «Как живёте? Как живёте?» – и проносились дальше.

– Интересно, – отозвалась вскоре одна из теней, – есть ли у него при себе деньги?

- Да уж наверно есть.
- Почему ты так думаешь?

– У таких всегда есть.
– А часы?
– Конечно, есть.
– Часов-то не видно.
– Карманные, кто ж их на руке носит?
– Карманные часы, – тут шёпот стал настолько тих, что слова едва можно было различить, – бывают чаще всего золотые. Дай-ка погляжу.

– Не смей! – тоном приказа остановил его другой. – Всё испортишь. Сейчас будет тоннель...

– Я пощупаю сквозь пиджак...

– Говорю, не смей! Начнём в тоннеле.

В наступившей тишине слышался только стук колёс. Упрямо, монотонно перекликались они между собой.

И вдруг совсем иначе заговорили колёса паровоза. Потом по-другому заговорили колёса почтового вагона, который мчался следом за ним. Потом колёса багажного вагона, который мчался следом за почтовым. Потом колёса первого пассажирского вагона. Потом колёса второго. Потом третьего. Потом колёса всех вагонов заговорили так, словно у них пропал вдруг голос и они осипли.

Поезд вошёл в тоннель.

Грабители сразу очутились возле Фердинанда. Быстро и ловко принялись они снимать с него одежду.

– Сперва шляпу, – слышался шёпот, – чтоб не мешала.

– Готово.

– Теперь ботинки.

– Готово.

– Теперь галстук.

– Готово.

– Теперь пиджак.

– Готово.
– Теперь жилет.
– Готово.
– Теперь рубашку.
– Готово.
– Теперь брюки.
– Сейчас, сейчас. Готово.
– Всё?
– Всё.
– Ну, теперь – ходу!
– Минуточку, – сказал Фердинанд, который давно не спал и чувствовал, что его раздевают. – Минуточку!!! Не спешите!!! Давайте-ка побеседуем.

И залаял так ужасно, как не лаяла ещё ни одна собака на свете.

У незнакомцев в кепках подкосились ноги от страха. Они побросали одежду Фердинанда и попытались, воспользовавшись темнотой, удрать из купе.

Но Фердинанд оказался проворнее. Он вскочил и схватил за ухо сперва одного, потом другого. Он сделал это так ловко, что прихватил каждое ухо с одной стороны.

Слева от него болталась теперь одна кепка, справа – другая.

Зажав в зубах уши грабителей, Фердинанд, конечно, уже не мог говорить, он мог только рычать от ярости, и в рычании смутно слышались слова:

– Ахрр вырр ворр-ришкиррр зарр-дуррр-марр-лирр мерр-нярр огрр-рарр-битьрр, ярр вамрр порр-карр-журр!

Тоннель как раз кончился. Приближалась станция. Поезд замедлил ход и, тяжело дыша, утомлённый, остановился. Фердинанд, не разжимая зубов, высунулся в окошко.

– Но-рр-силь-рр-щик-рр! – крикнул Фердинанд.

Но ни один из носильщиков не обратил на него внимания.

– Но-рр-силь-рр-щик-рр! – крикнул он ещё раз.

И опять ничего не вышло. Носильщики сновали взад и вперёд по перрону, но ни один из них даже не взглянул на Фердинанда.

– Но-рр-силь-рр-щик-ррррр! – повторил ещё раз Фердинанд.

К счастью, крик услышал какой-то старичок. Он остановился и прислушался.

– Вы, кажется, звали носильщика, – сказал старичок. – У вас, верно, насморк.

Фердинанд мотнул головой – дескать, у меня не насморк, и только тут старичок заметил болтающиеся в разные стороны головы воришек.

– Ага, – сказал он, – понятно.

И он подозвал двух дюжих носильщиков. Один из них схватил одного вора, другой – другого. Воры до того трусили, что идти сами были не в состоянии. Между двумя носильщиками, раздетый, с одеждой под мышкой, как с вещественным доказательством, шёл Фердинанд и грозно скалил зубы – он опасался, что один из воришек может вдруг дать тягу.

– В комиссариат! – приказал Фердинанд.

XVIII

- Фамилия? – спросил у Фердинанда комиссар.
- Великолепный, – ответил Фердинанд.
- Имя?
- Фердинанд.
- Возраст?

Фердинанд не знал, что ответить. Сказать правду – комиссару это может показаться подозрительным, прибавить года – значит, во-первых, соврать, во-вторых, красиво ли это, когда посторонние думают, что ты старше, чем ты есть на самом деле?

- Возраст? – повторил комиссар.

Голос у него был строгий, усы – грозные. Он ещё ни разу не взглянул на Фердинанда. Он задавал вопросы и тут же, не отрывая глаз от стола, делал пометки на бланке.

Фердинанда меж тем пробрал озноб.

– Брумбумпять! – выпалил Фердинанд, потому что молчать становилось невозможным.

– Прекрасно, – сказал комиссар, не обратив ни малейшего внимания на странную цифру, которую назвал Фердинанд. – У вас ничего не пропало?

– Ничего.
– Были при вас какие-нибудь ценности?
– Нет, – машинально ответил Фердинанд и вдруг вспомнил про медаль. – Простите, пожалуйста, я забыл про одну вещь. Да, при мне были ценности...

– Что это было? – спросил комиссар, ни на секунду не прекращая писать.

– Медаль, – ответил Фердинанд, – золотая медаль.
– Это была лично ваша медаль?
– Да, это была лично моя медаль.
– Можно узнать, где вас наградили?
– Меня наградили на выставке собак.
– Вы увлекаетесь собаками?
– Да, у меня есть к ним некоторый интерес, – ответил Фердинанд, к которому вернулось его обычное самообладание.

– Скажите, эту медаль у вас не похитили? – спросил комиссар.

– Минуточку, сейчас проверю. – И Фердинанд, всё ещё голый, принялся рыться в карманах.

– Здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет и здесь нет. Сейчас, ещё один карман... Здесь тоже нет. Комиссар, у меня украли эту медаль.

– Не огорчайтесь, – ободрил Фердинанда комиссар. – Мы сделаем всё, что от нас зависит, чтобы вернуть вам пропажу. Побудьте пока здесь, а я поговорю с преступниками.

И, не взглянув на Фердинанда, комиссар вышел из комнаты. Фердинанд принялся терпеливо ждать. Холод пробирал его всё сильнее и сильнее. Фердинанд принялся размышлять: «Стоит ли мёрзнуть... никто даже не замечает, что я раздет... не смотрят вовсе на вещественные доказательства... им

ни к чему, что я поймал воров в тоннеле, когда они снимали с меня одежду... но, может быть, это не важно... а я думал, что надо сделать непременно так, чтоб не оставалось сомнений, что именно они меня раздели и хотели унести костюм... уж лучше я всё это на себя надену, потому что в костюме я согреюсь, а без костюма... брр...»

И Фердинанд не спеша стал одеваться. Он уже завязывал галстук, когда в дверях появился комиссар.

— Должен вас поздравить, пан Великолепный! — крикнул комиссар с порога. — Благодаря вам мы поймали двух опасных грабителей. Вы сделали это просто великолепно, пан Великолепный!

Фердинанд скромно потупился.

— Ничего особенного...

— Превосходно!

— Пустяки... — шёпотом проговорил Фердинанд.

— Я горжусь вами!

— Есть о чём говорить, — буркнул Фердинанд. — Просто мне удалось их задержать, вот и всё.

— Всё было проделано замечательно, просто замечательно! К сожалению, должен вас огорчить.

— Что случилось? — спросил обеспокоенный Фердинанд.

— Вашей медали не нашли.

— Не нашли?

— Нет, не нашли.

- Ой-ой-ой! – жалобно заскулил Фердинанд.
- Они говорят, будто её не видели.
- Ой-ой-ой!
- Не припоминают...
- Ой-ой-ой!
- Говорят, что медали у вас не было.
- Ой-ой-ой!
- Потому что, если бы у вас была медаль, они взяли бы её в первую очередь.
- Ой-ой-ой!
- Говорят, что они обшарили все ваши карманы.
- Ой-ой-ой!
- И ни в одном медали не было...
- Ой-ой-ой!
- Вы, кажется, расстроились? – с сочувствием спросил комиссар.
- Ой-ой-ой, я нисколечко не расстроился, – простонал Фердинанд.
- Так в чём же дело?
- Мне страшно, комиссар, страшно... Ой-ой-ой!
- Чего вы так боитесь, пан Великолепный, в чём дело?
- Вас боюсь. Ой-ой-ой!
- Почему?
- Боюсь, посадят.
- Посадят в тюрьму? За что? – спросил комиссар, которого этот разговор начал забавлять.
- За медаль, комиссар, ой-ой-ой... ой-ой-ой... ой-ой-ой... За эту медаль...
- Ничего не понимаю, – сказал комиссар.
- Я дал ложные показания, ой-ой-ой!
- Ложные!

— Ведь медаль при мне. Только сейчас мне пришло в голову, ой-ой-ой. Я искал её во всех карманах, и воры искали её во всех карманах, а её, ой-ой-ой, там не было. Я вспомнил, она у меня на шее. Скажите, сколько?..

— Что — сколько? — удивился комиссар.

— Сколько за это? — жалобно скуля, допытывался Фердинанд.

— За что?

— За дачу ложных показаний. Сколько лет?

— Давайте забудем про этот случай, — с улыбкой сказал комиссар. — Самое главное, ваша медаль, ваша золотая медаль не пропала. Фердинанд, куда вы?

Фердинанд был уже в дверях. Вместо ответа он выпалил скороговоркой:

— Сейчас вернусь. Мне надо извиниться перед ворами, ведь я обвинил их в воровстве.

XIX

После всех этих ужасных волнений Фердинанд отправился в парк, чтобы немного рассеяться. Он сел на скамейку под развесистым каштаном, заложив ногу за ногу, откинулся на спинку и решил некоторое время ни о чём не думать. Он следил за облаками, скользившими по небу, слушал щебет птиц в листве, на душе у него было необыкновенно легко и весело.

Времени хоть отбавляй, спешить некуда, дел никаких. С чистой совестью мог сидеть Фердинанд на скамейке и отдыхать.

И вдруг, увидев мальчишку, который ел эскимо, Фердинанд машинально облизнулся и почувствовал: что-то с ним произошло, что-то изменилось, что-то случилось, что-то не в порядке.

Вначале он не придал этому особого значения, но, когда понял, что облизывается во второй раз, ему стало не по себе.

Фердинанд проверил языком. Да, сомнений не было. Случилось непредвиденное. Он проверил ещё раз. Увы, это была правда. Опять коснулся языком. Да, нечто ужасное. И теперь уже Фердинанд никак не мог удержаться от того, чтобы беспрестанно не ощупывать языком надломленный зуб.

Фердинанд был до такой степени поглощён этим занятием, что не заметил, как на скамейку рядом с ним села какая-то дама.

Дама некоторое время читала газету, потом аккуратно её сложила, спрятала в сумочку и взглянула на Фердинанда. А тот всё притрагивался и притрагивался языком к сломанному зубу. Дама наблюдала за ним с любопытством.

«Удивительно смесной человек, – подумала она. Дама шепелявила так сильно, что шепелявила даже тогда, когда ей приходилось думать, а подобные явления, как мы знаем, встречаются редко. – Цего он так облизывается?»

Вслух она сказала:

– Извините, позалуйста, с вами сто-нибудь случилось?

Фердинанд вздрогнул, точно его разбудили. Посмотрел на даму, приподнял в знак приветствия котелок и сказал:

– Собственно, всё в порядке. Чувствую я себя неплохо. Только вот...

Не успел он закончить, как дама его перебила.

– Вот именно! – заверещала она. – Вот именно! Казется, я угадала: вас беспокоит зубик.

– Признаться, да, – сказал Фердинанд.

– Болит? – осведомилась дама.

– Нет, не болит.

– Любопытно! Хузе всего как раз те зубы, которые не болят, не болят, а потом вдруг как заболят, как заболят... Уз вы мне поверьте.

– У меня совсем другое. По правде сказать, зубы у меня замечательные.

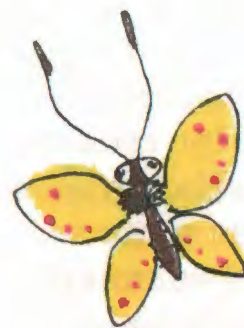
– Сто зе тогда с вами?

– У меня отломился кусочек зуба.

– И вы говорите, сто зубы у вас замечатательные! Замечатательные зубы не крятся.

- Иногда самый лучший зуб обломится.
- Отчего же он у вас обломился?
- Не знаю, – ответил Фердинанд, – никак не могу сообразить, отчего обломился.
- Мозет быть, короцка хлеба?
- Нет.
- Мозет быть, зёсткий бифстекс?
- Нет.
- Мозет быть, проволоцка в хлебе?
- Нет.
- Мозет быть, хрясик в колбасе?
- Хрящик – пустяки.
- Для кого как, – покачала головой дама. – Я, например, цетырнадцать лет назад сломала себе зуб колбасой.
- Колбасу я давно не ел.
- Это не вазно, ели вы или нет. Всё равно нужно идти к врачу. А то будет хузе. Послушайте меня.
- Пожалуй, вы правы. Только я ни одного врача здесь не знаю.
- Сейчас дам вам адрес. Он зивёт недалеко отсюда. Доктор Дивро. Цудесный целовек. Всё-таки интересно, обо сто вы сломали зуб?
- Вспомнил! – торжествующе крикнул Фердинанд. – Я сломал его о воров.
- Простите, позалуйста, – удивилась дама, – не хотите ли вы сказать, сто вы питаетесь ворами?!
- Я их не ел, я их ловил, – с достоинством ответил Фердинанд.
- Зубами? – осведомилась дама, и в голосе её слышалось недоверие.
- Да, пришлось зубами. Их было двое – неудивительно, что зуб не выдержал и надломился.

— Возможно, — сказала дама и капельку отодвинулась. Она знала, что сумасшедшим ни в коем случае нельзя возражать. — Непременно сходите к доктору Дивро. До свидания, мне уже пора.

Про себя она подумала:

«Надо уносить ноги, опасный псих. Привяжется есё... Сто мне тогда делать?»

Фердинанд остался один.

«Надо, пожалуй, сходить к врачу, — подумал Фердинанд, ловя себя на том, что непрерывно водит языком по зубам. — Ведь не могу же я всю жизнь щупать и щупать языком зуб. Может, доктор поможет. Раз, два, три — вставай, Фердинанд! Пошли к доктору Дивро».

Доктор Дивро оказался на редкость обаятельным человеком. Все в городе хорошо его знали, поэтому Фердинанд отыскал его дом без труда.

В приёмной было много народу. Фердинанд уселся на единственный свободный стул возле стены. Лица у ожидающих были очень серьёзные. Ни смеха, ни шуток, никто не рассказывает анекдотов. Все думают только об одном: о том, что ждёт их за дверьми кабинета, где принимает доктор Дивро и где рано или поздно окажутся и они.

Фердинанд впервые в жизни попал на приём к зубному врачу. Легко ли сохранить серьёзность? Ему стоило большого труда не фыркнуть прямо в лицо этим перепуганным людям. Никогда ещё за всю свою жизнь не приходилось видеть сразу столько серьёзных людей. «Надо что-то предпринять, — решил Фердинанд, — не переносу грустных людей».

В тишине приёмной слышался его голос:

— Скажите, вы умеете давать лапу?

Он обратился с этим вопросом к своему соседу, старичку, похожему не то на директора, не то на профессора, а может быть, даже на академика.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — ответил очень серьёзно старичок.

— Я имею в виду лапу. Вот я, например, — пояснил Фердинанд, — умею давать и правую и левую.

— Ну и давайте себе на здоровье.

— Ничего не выйдет. Вы думаете, это так просто? Можно ли дать лапу самому себе? Лапу можно дать только кому-нибудь. Я, например, могу дать вам, вы — мне.

Больные начали улыбаться.

— Вот вам моя лапа, — сказал Фердинанд. — А теперь дайте мне свою.

Старичок, поколебавшись, протянул Фердинанду руку.

— Пожалуйста.

— Превосходно! — воскликнул Фердинанд. — Вы делаете это замечательно. А теперь дайте лапу вон той даме.

И больные, изнемогая от смеха, стали давать друг другу лапы.

Когда доктор Дивро открыл дверь кабинета, чтобы крикнуть: «Следующий!» — он увидел в своей приёмной толпу желающих людей. Посреди комнаты на полу сидел какой-то неизвестный ему пациент и изображал собаку, которая учится служить. Выходило это у него страшно неуклюже.

XX

Каждые десять – пятнадцать минут доктор Дивро открывал дверь и говорил: «Пожалуйста, следующий!»

Народу в приёмной становилось всё меньше.

Под конец осталось двое: Фердинанд и старичок, похожий не то на директора, не то на академика.

Фердинанд пришёлся старичку по душе. Старичок был очень доволен, что благодаря новому знакомству он незаметно и весело скоротал время.

– Теперь вы... – сказал Фердинанд.

– Я? – переспросил старичок.

– Теперь ваша очередь.

– Ну да, – согласился старичок. – Может быть, вы хотите вперёд?

– Я? – переспросил Фердинанд.

– Вы, вы!

– Но ведь я пришёл позже вас, – нашёлся Фердинанд.

– Не важно! Я не спешу!

– Я тоже.

– Вы мне так понравились, что я охотно пропущу вас вперёд.

- Вперёд вас... ни за что на свете!
- Можете идти с чистой совестью. Я посижу и пойду потом.
- Нет, нет, нет! – запротестовал Фердинанд. – Только после вас.
- Впрочем, зачем спорить?.. Так или иначе, каждому придётся войти туда, сесть в это ужасное кресло, открыть рот и ждать, когда начнут сверлить этим жутким сверлом зубы. Если мы этого не сделаем, с нами случится то же самое, что случилось с Перепупом.
- С каким Перепупом? – спросил Фердинанд, вытаращив глаза.
- Как, вы не знаете этой истории?
- Не знаю, – ответил Фердинанд.
- История Перепупа весьма поучительна, – сказал старичок. – Она лишний раз доказывает, как важно своевременно посещать зубного врача. Вот послушайте:

*Жил на свете Перепуп,
Перепуп,
Перепуп.
У него был с дыркой зуб,
зуб с дырою,
гей!*

*Стала челюсть как арбуз,
как арбуз,
как арбуз –
это был огромный флюс,
флюс огромный,
гей!*

*Перепун пошёл к врачу,
да, к врачу,
да, к врачу:
«Подлечиться я хочу,
подлечиться,
гей!»*

*Врач ответил: «Не беда,
не беда,
не беда,
зубик вырвем без труда,
вместе с корнем,
гей!» —*

*«Нет, — воскликнул Перепун,
Перепун,
Перепун, —
это мой последний зуб!..*

*Оставьте мне его, пожалуйста, на память, доктор.
Гей!»*

— Из этого следует, — сказал Фердинанд, — что Перепун впервые в жизни пошёл к врачу только тогда, когда у него разболелся его последний зуб.

— Вы попали в самую точку, — ответил, обрадовавшись, старичок.

— Сколько раз вы были у зубного врача? — спросил Фердинанд.

— Может, сто, а может, и больше.

— Хо-хо, — удивился Фердинанд.

— А вы? — спросил в свою очередь старичок.

— Я... я... о, я, конечно, бывал много раз, но точно припомнить не могу, — бросил небрежно Фердинанд.

Думаете, соврал? Ничуть не бывало. Фердинанд в самом деле посещал зубного врача, но приходил туда не по своей надобности. Во избежание недоразумения уточним: хозяин, отправляясь к зубному врачу, несколько раз брал с собой Фердинанда.

— Вы правильно поступаете, что заботитесь о зубах, — похвалил его старичок.

— Ничего не поделаешь, — скромно ответил Фердинанд, — мои зубы — всё моё достояние.

Старичок взглянул на Фердинанда с интересом.

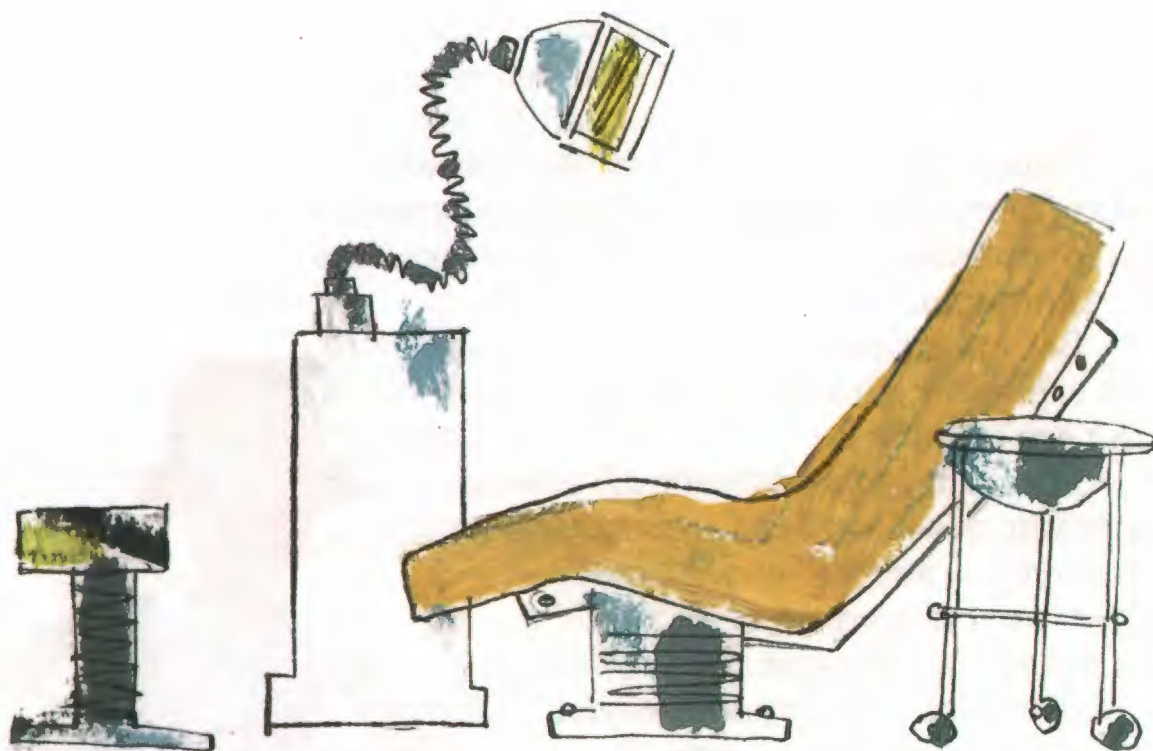
— Догадался! — воскликнул он. — Вы, наверное, артист?

Фердинанд не знал что и ответить. Разумеется, в глубине души он считал себя артистом, но нельзя же было открыто заявлять об этом.

К счастью, из затруднительного положения его спас доктор Дивро. Появившись в белом фартуке в дверях кабинета, он крикнул: «Пожалуйста, следующий!»

Старичок улыбнулся Фердинанду и, махнув на прощание рукой, скрылся в кабинете.

Фердинанд остался в приёмной один. На столе кипой лежали иллюстрированные журналы. Фердинанд взял один из них, желая скоротать время. Перелистывая журнал, он думал: «Теперь уже другого выхода нет... придётся мне помучиться на этом ужасном кресле... теперь моя очередь... ничего не поделаешь... взялся за гуж — не говори, что не дюж... необходимо следить за зубами, иначе не разгрызёшь самой пустяковой кости, а что за жизнь без костей... это не жизнь, не жизнь и ещё раз не жизнь... без костей нет радостей... если будет очень больно, я дам ходу... тут никто меня не знает... вот только потом со мной может случиться то же самое, что случилось с Перепупом...»

И Фердинанд принялся напевать песенку, которой научил его старичок:

*Жил на свете Перепун,
Перепун,
Перепун.
У него был с дыркой зуб,
зуб с дырою,
гей!*

XXI

— Пожалуйста, следующий, — сказал доктор Дивро, распахнув дверь кабинета.

Фердинанд поднялся со стула:

— К вашим услугам.

— Очень приятно.

— Быть вашим пациентом — сплошное удовольствие.

— С радостью займусь вашими зубами.

— Все мои зубы в вашем распоряжении.

— Постараюсь не причинить им ни малейшей неприятности.

— Отдаю свои зубы в ваши руки.

— Надеюсь, мои руки оправдают доверие ваших зубов.

— Я в восторге. Вижу, у нас с вами одинаковые взгляды.

— Смею уверить, мой восторг не меньше вашего.

— Великолепно! — воскликнул Фердинанд. — Тогда давайте радоваться вместе.

И, схватив за руки доктора Дивро, Фердинанд, словно в вальсе, закружился с ним по комнате. Доктору это так понравилось, что он принялся притоптывать ногами, хотя в вальсе притоптывать не полагается. В вихре танца влетели они в кабинет.

И вдруг, одурев, замерли посередине. Они так здорово закружились, что всё поплыло у них перед глазами. Доктор Дивро в изнеможении опустился на стул.

— Ой-ой-ой! — сказал он. — Ну и кружится голова! Ой-ой-ой!

Фердинанд еле устоял на ногах. Ему нравилось, что всё плывёт у него перед глазами: то появится белое кресло с поручнями, то шкаф с инструментами, то доктор Дивро на краешке стула, то бормашина, то снова кресло, снова шкаф, доктор, машина и ещё раз кресло, шкаф, доктор, опять машина и снова то же, и снова, только медленнее и медленнее, пока наконец всё не остановилось.

— Это было великолепно! — воскликнул Фердинанд. — Впервые в жизни у меня закружилась голова.

— Что вы говорите? — спросил, не веря своим ушам, доктор. — У вас никогда раньше не было головокружения? Разве вам не приходилось кружиться на одном месте?

— Нет, — ответил Фердинанд. И тут же вспомнил, что кружился не раз, пытаясь поймать свой хвост. — То есть я хочу сказать, мне не приходилось кружиться на ногах стоя. Раньше я кружился на четвереньках. Уверяю вас, это совсем другое.

Доктор Дивро бросил недоумевающий взгляд на Фердинанда, однако и виду не подал, что это показалось ему не вполне нормальным. Впрочем, от такого кружения мысли тоже могли закружиться не в ту сторону.

— Да, да, разумеется, совсем другое, — поддакнул он Фердинанду. — Может, сядем теперь в кресло?

Фердинанд сел в кресло.

– Откройте, пожалуйста, рот.

Фердинанд открыл.

Доктор Дивро стал осматривать зубы.

– Фьююююю, фьююююю, – сказал он с изумлением, – давно не видел таких замечательных зубов!

– Очень приятно слышать, – ответил Фердинанд, стараясь говорить как можно отчётливее. Но попробуйте говорить отчётливо, когда врач засунул вам в рот обе руки.

– У вас всё в порядке, – сказал доктор Дивро. – Что привело вас ко мне?

– У меня, доктол, создалось впечатление, будто у меня сломался зуб.

– Где?

– Сплава, втолой от конца.

– Сейчас проверим, – сказал доктор Дивро и стал проверять второй зуб от конца справа. – Действительно, откололся кусочек, совсем маленький, но это никакой роли не играет.

– Никакой лоли... – повторил Фердинанд. – Я хочу, чтоб у меня все зубы были в поладке. – Зубы – это всё моё достояние.

– Конечно, конечно, – поддакнул доктор.

– Чем же я иначе буду глызть?

– Конечно, конечно, – снова поспешил согласиться доктор Дивро. – Хорошо разгрызёшь – хорошо переваришь.

– Кто может заглызть, того бояться, – добавил Фердинанд и в пояснение чуть сдвинул челюсти.

– Ай-ай-ай! – громко крикнул доктор и отдёрнул руки.

– Ну как? – спросил Фердинанд.

– Надо что-то предпринять.

– Что?

– Может, наденем коронку?

– Коронку? – удивился Фердинанд. – Ведь я не королевич.

– Я говорю о коронке на зуб, а не о короне на голову, – заметил доктор.

– На зуб так на зуб, мне всё равно, – заявил Фердинанд.

– А золото у вас есть?

– Какое золото?

– На коронку. Коронки делают из золота.

– Да, я об этом слышал, – сказал Фердинанд. – А можно использовать медаль?

– Вы, наверно, хотите сказать: металл. Конечно, можно сделать коронку из металла, но это будет уже не то.

– Вы меня не поняли, доктор, я говорю о медали...

– О металле?

– О медали...

– О металле...

Молниеносно вытащил Фердинанд медаль, которую носил на шее.

– Это что? – спросил он.

— Медаль, — ответил Дивро.

— Какая?

— Золотая.

— Может, это металл? — спросил с насмешкой Фердинанд.

— Пожалуйста, извините меня... — сказал доктор. — Это действительно медаль, настоящая золотая медаль, из неё я сделаю вам великолепную коронку на второй зуб от конца справа.

— Большое спасибо, это как раз то, что мне нужно.

Фердинанд сел поудобнее и шире раздвинул челюсти. Доктор Дивро достал из шкафчика коробку и начал перебирать свёрла. Свёрла звякали, ударяясь друг о друга. Звук был неприятный. Фердинанд почувствовал, как по телу пробежали мурашки.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он с растущей тревогой.

— Придётся подпилить зуб, потом наденем коронку, — невозмутимо пояснил Дивро.

— Разве это необходимо?

— К сожалению, да.

— Что ж, пилите, — сказал решительно Фердинанд.

Доктор Дивро нашёл наконец нужное сверло, вставил его в наконечник и повернул выключатель. Машина загудела, и неприятное гудение наполнило собой всю комнату. Сердце у Фердинанда ушло в пятки.

— Да вы не бойтесь, — ласково успокоил его доктор Дивро. — Прежде чем сверлить, я вас усыплю. Вы не почувствуете боли. Проснётесь — всё будет кончено.

Он взял со столика шприц и сделал Фердинанду укол. Фердинанд почти мгновенно уснул. Сквозь сон до него доносилось только звяканье инструментов доктора Дивро...

Проснувшись, Фердинанд решил, что откроет глаза не сразу. Инструменты всё ещё звякали.

«Ну и возится этот доктор, – подумал Фердинанд. – Странно, почему у меня нет ощущения, что он чинит мне зуб... Наверно, это происходит из-за укола. Кончит – скажет».

И Фердинанд решил подождать, пока доктор сам к нему не обратится.

Вдруг ни с того ни с сего вместо голоса доктора он услышал голос хозяина.

– Опять толкаешься, Фердинанд? Не слишком ли много ты себе позволяешь?

Фердинанд открыл сперва один глаз, потом другой и увидел, что лежит рядом с хозяином на диване. Фердинанд растерялся... Что же происходит?

– Подвинься, подвинься, – просил хозяин. – Это безобразие... Ты опять меня спихиваешь.

Фердинанд подвинулся немного, изумление его всё росло и росло. В голове была неразбериха. Ведь он ясно слышал звяканье инструментов доктора. Впрочем, действительно ли это инструменты? Ничего подобного! Это звякают на кухне ножи, ложки и вилки, когда их моют после обеда.

– Не колись! – кричит ложка вилке.

– Поосторожней, не то меня покалечишь! – говорит чашка, обращаясь к острому ножу.

– Где мой муж – сковородник? – кричит в отчаянии сковородка.

– Всё ясно, – пробурчал вполголоса Фердинанд. – Я дома... Лежу на диване, рядом лежит хозяин, рядом с хозяином газета, на кухне разговаривают друг с другом тарелки, вилки и ложки – в общем, всё, как обычно. Где же доктор Дивро? Нет никакого доктора Дивро. А золотая коронка на зубе? Нет

никакой коронки. Минуточку... Какой это был зуб? Справа второй от конца. Проверим...

Кончиком языка Фердинанд стал проверять зуб за зубом.

– Ее-есть! – завопил он от радости и соскочил с дивана.

В диване заговорили пружины:

Дрим!..

Гьям!..

Бряк!..

– Ее-есть! – снова завопил Фердинанд и принялся как сумасшедший носиться по комнате.

Справа, на втором зубе от конца, он нащупал языком великолепную золотую коронку! Он подбежал к хозяину и, желая похвастаться, широко разинул пасть.

– Ты что скалишь зубы, Фердинанд? Сдурел, что ли? – сказал хозяин равнодушным голосом и, вместо того чтобы полюбоваться золотой коронкой, сунул нос в газету.

«Не хочешь – не надо, – подумал Фердинанд. – Может, кто другой оценит».

Но и с другими ему не повезло. Стоит только Фердинанду разинуть пасть, чтобы показать свою великолепную коронку на втором зубе справа от конца, как люди шарахаются, а хозяин кричит:

– Спокойно, Фердинанд, спокойно!

Чтобы его не сочли злой собакой, Фердинанд теперь всё реже открывает пасть, и поэтому о золотой коронке и обо всех его приключениях знаем только мы двое – Фердинанд и я.

УДК 821.162.1-312.9-93
ББК 84(4Пол)
К36

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

Серия «Сказочные повести»

КЕРН Людвик Ежи
ФЕРДИНАНД ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Ludwik Jerzy Kern
FERDYNAND WSPANIALY

Ответственный за выпуск *Н. Н. Овчинникова*
Художественный редактор *В. С. Беляева*
Технический редактор *Т. Ю. Андреева*
Корректоры *Н. М. Соколова, Т. С. Дмитриева*
Компьютерная вёрстка *О. В. Краюшкина*

Подписано в печать 20.12.2010.
Формат 84×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,60.
Тираж 8000 экз. D-PT-4737-01-R. Заказ № 5828.

160 с., с ил.

ISBN 978-5-389-01624-8

© Ludwik Jerzy Kern, 2010
© Свяцкий С.П., перевод на русский язык, 2010
© Бугославская Н.В., иллюстрации, 2010
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2010
Machaon®

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Махаон»
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
196105, Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15
Тел. (812) 324-61-49, 388-94-38, 327-04-56, 321-66-58, факс (812) 321-66-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

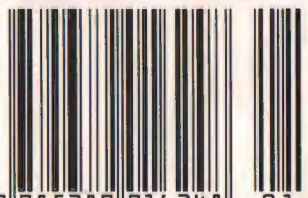
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Machaon

9 785389 016248 01